

11. 6637-2.

[Наклад]

ДВѢ СТАТЬИ
О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ВЪ ДЕРПТѢ.

«Чужимъ здоровьемъ болеешь». «*Quieta non movere!*»



Издание второе, значительно дополненное.

119207

Кол. 25 коп. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

География М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1892.

ДВѢ СТАТЬИ
О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ВЪ ДЕРПТѢ.

«Прими здравьемъ болѣзнь». «Quiescit non movetur»



Издание второе значительно дополненное.



Типография М. М. Стефановича, Вак. Остр., 5 лин., 28.

1892.



2010

4.1

1825

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1892 г.

I.

Въ послѣднее время въ русской печати неоднократно появлялись слухи о томъ, что въ правительственныхъ сферахъ собираются уничтожить корпораціи и измѣнить теперешній строй студенческой жизни въ Дерптѣ. Нѣкоторыя нововведенія отчасти даже подтверждаютъ распространенныя газетами слухи. Вступленіе въ корпораціи не зависитъ болѣе отъ свободнаго рѣшенія каждаго студента, но для этого стало необходимымъ позволеніе ректора, который большею частію отказываетъ въ немъ, а когда въ послѣднее время хотѣла учредиться новая корпорація, сказано было студентамъ, что университетское начальство не считаетъ полезнымъ учрежденіе новыхъ корпорацій. Изъ этого русская печать весьма вѣрно заключила, что, если не

считаютъ полезнымъ учрежденіе новыхъ корпорацій, то значить, вообще перестали считать полезными корпораціи, которыя въ непродолжительномъ времени, вѣроятно, должны будутъ совсѣмъ прекратить свое существованіе. Дѣйствительно этими мѣрами прервано свободное развитіе дерптской студенческой жизни и дальнѣйшее существованіе того строя и той организаціи, которые присущи ей. Прежде чѣмъ рѣшиться на уничтоженіе какого-нибудь учрежденія, слѣдуетъ убѣдиться въ его вредности и поэтому необходимо и полезно ближе познакомить русскую публику съ дѣйствительнымъ значеніемъ корпорацій и съ бытомъ дерптскаго студенчества, о которомъ, нужно сказать, въ русскомъ обществѣ существуетъ неясное, а иногда и совершенно ложное понятіе. Поэтому мы рѣшились дать какъ можно вѣрное и безпристрастное изображеніе дерптскаго студенческаго быта. Не умалчивая ни о хорошихъ, ни о дурныхъ его сторонахъ, мы надѣемся нарисовать читателю картину, вполне соответствующую дѣйствительности, предоставивъ такимъ образомъ каждому возможность составить собственное сужденіе о томъ, на-

сколько устройство дерптской студенческой жизни полезно и насколько оно вредно.

Въ то время, какъ всѣ наши Университеты хронически подвержены болѣе или менѣе серьезнымъ волненіямъ и безпорядкамъ среди студентовъ, пытающихся принять участіе въ соціальной и политической жизни общества, одинъ только дерптскій университетъ остается спокойнымъ; всеобщее, столь свойственное юношескому возрасту возбужденіе и беспокойное желаніе дѣятельности какъ будто не касается его питомцевъ, и невольно зарождается мысль, не должно-ли такое явленіе приписать оригинальному устройству въ немъ студенческой жизни. Интересно, поэтому, прослѣдить, какъ именно удастся дерптскимъ студенческимъ корпораціямъ превращать пылкіе и до извѣстной степени необузданные порывы молодежи въ благонадежныя стремленія и какимъ образомъ молодые студенты постепенно научаются отъ своихъ старшихъ товарищей тому, что истинная свобода состоитъ не въ необузданности и своеволіи, а въ точномъ исполненіи ими самими признанныхъ правилъ и законовъ.

По окончаніи курса въ среднемъ учеб-

номъ заведеніи, гдѣ юноша запасается элементарными знаніями, которыя затѣмъ должны служить основою для дальнѣйшаго его образованія и умственнаго развитія, онъ получаетъ, наконецъ, возможность занять въ жизни то положеніе, о которомъ онъ уже давно съ восторгомъ мечталъ. Скованный строгими гимназическими правилами, онъ утѣшался тѣмъ, что когда-нибудь и для него настанетъ время полной свободы, съ которой у него тѣсно связано представленіе объ университетской жизни. Но вотъ желанная минута настала, и юноша стоитъ уже передъ дверьми Университета. Въ день, назначенный для пріема, вновь поступающіе собираются въ большомъ актовомъ залѣ университетскаго зданія. Ректоръ произноситъ рѣчь, въ которой объясняетъ цѣль высшаго образованія и знакомитъ ихъ съ существующими въ университетѣ правилами. Поступающіе даютъ слово строго подчиняться установленнымъ правиламъ и порядку, и затѣмъ ректоръ объявляетъ имъ, что они приняты въ число студентовъ. По окончаніи этихъ церемоній, молодежь отправляется на улицу, гдѣ ихъ ужъ ожидаютъ старшины разныхъ корпорацій, т. н. «ольдер-

маны». Послѣдуемъ за старшиной фуксовъ ¹⁾ курляндской корпораціи, вокругъ котораго собираются желающіе сдѣлаться ея членами. Они становятся въ одинъ рядъ и, имѣя ольдермана во главѣ, бѣгутъ одинъ за другимъ. При этомъ дѣло не обходится безъ шалостей и проказъ. Фуксы во всемъ обязаны подражать ольдерману: онъ перелѣзаетъ карету извозчика, входитъ въ разныя лавки и т. п., за нимъ вереница фуксовъ продѣлываетъ то же самое. Университетская полиція, немедля, конечно, напоминаетъ имъ о порядкѣ, но обыкновенно не очень строго относится къ подобнымъ шалостямъ. Прибывъ въ трактиръ, въ т. н. «Кнейпе» (каждая корпорація имѣетъ свой трактиръ), фуксы представляются корпорантамъ, вскакивая на маленькій, посрединѣ комнаты стоящій, столъ и подвергаясь болѣе или менѣе забавнымъ вопросамъ. Потомъ они подсаживаются къ отдѣльнымъ группамъ и начинается веселая попойка. Излюбленнымъ напиткомъ служить исключительно пиво.

Во время перваго года своего пребывания

¹⁾ Фуксами называютъ студентовъ перваго курса.

въ Университетѣ молодой студентъ, живущій въ корпораціи, обыкновенно не занимается особенно усердно наукою, потому что старшіе товарищи требуютъ отъ него, чтобъ онъ часто бывалъ въ «Кнейпе», исполнялъ разныя порученія и какъ можно ближе познакомился съ большимъ кругомъ своихъ новыхъ корпоративныхъ друзей. Но эта потеря времени вознаграждается развитіемъ его самостоятельности и характера. Воспитаніе воли и характера особенно важно въ этотъ періодъ жизни, такъ какъ въ гимназій, при ежедневномъ умственномъ напряженномъ трудѣ, не могла еще выработаться индивидуальная личность. Первый годъ молодой студентъ обязанъ по возможности исполнять желанія старшихъ студентовъ. Не умѣя повиноваться, не съумѣешь повелѣвать, — не выучившись подчиняться другимъ, не достигнешь самостоятельности. Между тѣмъ, въ молодомъ человѣкѣ начинаютъ выработываться извѣстные понятія о чести и о личномъ достоинствѣ. Онъ видитъ, какъ старшіе товарищи защищаютъ свою личность отъ оскорбленій, и узнаетъ, что для самоуваженія и для пріобрѣтенія уваженія другихъ нельзя безнаказанно сно-

сильную обиду, а необходимо требовать удовлетворения. Такъ какъ каждый старшій студентъ считаетъ отчасти своимъ долгомъ заниматься «воспитаніемъ фуксовъ», то послѣдніе очень скоро знакомятся съ товарищами и самымъ ловкимъ изъ нихъ удастся уже въ первое полугодіе настолько сблизиться и познакомиться съ корпораціей, что ихъ принимаютъ въ число корпорантовъ. Это самое радостное событіе въ студенческой жизни. Новичекъ получаетъ право носить знаки корпораціи (трехцвѣтную шапочку и ленту) и принимать участіе въ совѣщаніяхъ.

Распределение времени студента въ первый годъ пребыванія его въ корпораціи приблизительно слѣдующее. Вставъ довольно поздно, около одиннадцати, и напившись чаю, онъ отправляется въ «Кнейпе». Тамъ онъ встрѣчаетъ товарищей, которые уже завтракаютъ, пьютъ пиво и распѣваютъ веселыя пѣсни. Послѣ завтрака молодые люди занимаются чтеніемъ или серьезными дѣлами. Съ семи часовъ вечера имъ дозволяется посѣщать старшихъ товарищей, которые съ удовольствіемъ ихъ принимаютъ, чтобы дать возможность молодежи скорѣе съ ними сбли-

зяться. Фуксамъ вмѣняется даже въ обязанность ходить по квартирамъ старшихъ корпорантовъ, прося позволенія ужинать у нихъ. Въ 9 часовъ всѣ отправляются въ «Кнейпе», гдѣ снова раздаются пѣсни и идетъ попойка. Въ 11 часовъ туда являются педеля съ приказаніемъ закрыть трактиръ, но студентамъ не хочется такъ рано расходиться по домамъ. Большая часть изъ нихъ отправляется въ квартиру совѣщаній, въ т. н. «Конвентсквартиръ». У каждой корпораціи есть свой «Конвентсквартиръ», гдѣ корпоранты собираются для совѣщаній или «Конвентовъ», празднуютъ Коммерсы и упражняются въ фехтованіи. Здѣсь же, послѣ одиннадцати, студенты веселятся, стараясь подражать словамъ извѣстной пѣсни:

«Freut euch des Lebens
«Solang' das Lämpchen glüht
«Pflücket die Rose,
«Eh' sie verblüht».

Въ семейныхъ домахъ студентовъ принимаютъ радушно и любезно. Одно имя «студентъ» и особенно «корпоративный» служитъ большою рекомендаціей. Студенты состав-

ляютъ въ маленькомъ городкѣ Дерптѣ привилегированный классъ людей «буршей» ¹⁾, которымъ прощаются многія шалости. Они служатъ какъ бы центромъ городскихъ обывателей, вокругъ котораго группируются всѣ мѣстные интересы.

Первый годъ молодые «бурши» проводятъ въ весельѣ и вполнѣ наслаждаются преимуществами молодости и свободы. Но двумъ семестрамъ разгульной жизни приходитъ конецъ и студентъ серьезно принимается за дѣло. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ онъ уже усердно занимается науками и появляется въ товарищескомъ кругу только послѣ ужина и при особенно выдающихся торжествахъ. За исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, корпоративная жизнь среди большого круга сверстниковъ и друзей нисколько не мѣшаетъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что изъ дерпт-

¹⁾ Въ XV ст. въ Университетахъ развились учрежденія, извѣстныя подъ именемъ коллегій и бурсъ. Бурсами назывались заведенія, члены которыхъ (Bursarii) состояли подъ строгимъ надзоромъ и числились членами Университета. Отъ «Bursarius» происходитъ «Буршъ».

скаго Университета вышло не менѣе двухсотъ десяти академиковъ и профессоровъ, а именно: 18 членовъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, 71 дерптскихъ профессоровъ, 100 црофессоровъ остальныхъ русскихъ Университетовъ, 39 профессоровъ иностранныхъ Университетовъ, 21 профессоръ въ лицѣяхъ, политехническихъ школахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, 8 профессоровъ въ лицѣяхъ, политехническихъ школахъ, академіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ иностранныхъ государствъ, 10 профессоровъ дерптскаго ветеринарнаго института и рижской политехнической школы, 38 доцентовъ и лекторовъ въ Дерптѣ, 29 доцентовъ и лекторовъ въ другихъ университетахъ Россіи, 10 доцентовъ иностранныхъ университетовъ. Вообще не менѣе 344 бывшихъ дерптскихъ студентовъ сдѣлались преподавателями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но изъ этого числа нужно вычесть 30 лицъ, состоявшихъ сначала профессорами въ Дерптѣ, а потомъ за границею или же сначала профессорами, а потомъ академиками и т. д., такъ что общее число всѣхъ учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ

равняется 314. Эти 314 почти исключительно произошли изъ первыхъ 10.000 дерптскихъ имматрикулированныхъ, т.-е. болѣе 3%, такъ что изъ 100 дерптскихъ студентовъ впоследствии 3 учили въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или, другими словами, каждый 33-й имматрикулированный дѣлался преподавателемъ высшихъ учебныхъ заведеній. Что касается собственно академиковъ и университетскихъ профессоровъ, то изъ каждой сотни бывшихъ дерптскихъ студентовъ вышло болѣе двухъ профессоровъ или, другими словами, *каждый вообще пятидесятый студентъ Дерптскаго университета дѣлался академикомъ или профессоромъ*. Отсюда видно, что Дерптскій Университетъ, какъ школа, служащая научнымъ цѣлямъ, стоитъ очень высоко и едва ли какой другой университетъ Имперіи можетъ его въ этомъ не только превзойти, но хотя бы даже сравниться съ нимъ¹⁾.

Чтобы обрисовать студенческую жизнь, нужно особенно остановиться на слѣдующихъ факторахъ, придающихъ отличительный и

¹⁾ Для лицъ, желающихъ подробнѣе познакомиться съ этимъ вопросомъ, рекомендуемъ книжку: *Otto und Hasselblatt. Von den 14,000 Immatriculirten. Dorpat, Mattiesen 1891.*

характерный отпечатокъ пребыванію молодыхъ людей въ Дерптскомъ Университетѣ: автономное устройство и управленіе студенческаго общества, рѣшеніе споровъ третейскими судьями, поединки на шпагахъ, торжественность коммерсовъ и прощаніе съ покидающимъ Дерптъ студентомъ.

Въ Дерптѣ не существуетъ ни Буршеншафтовъ, ни Вингольфитовъ, ни корпорацій въ нѣмецкомъ смыслѣ. Организациа дерптской студенческой жизни совершилась совсѣмъ своеобразно и имѣетъ свой особенный, балтійскій отпечатокъ. Разница между нашимъ остзейскимъ Университетомъ и германскими Университетами—большая. Ее можно опредѣлить сравненіемъ, заимствованнымъ изъ государственной жизни. Дерптъ какъ бы соотвѣтствуетъ швейцарскому, федеративному государству нашего времени, а Университеты германской имперіи—сѣверной Италіи среднихъ вѣковъ, гдѣ многочисленныя крошечныя республики стояли другъ къ другу въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Дерптскіе уркантоны были землячества: Куронія, Эстонія, и Ливонія. Студенчество въ Дерптѣ образуетъ своего рода государство, сущность

котораго состоитъ въ общемъ соединеніи отдѣльныхъ земляческихъ кружковъ. Элементарный партикуляризмъ и потребность политическаго единства суть тѣ побуждающія силы которыя сначала находились въ рѣзкой противоположности, но въ медленномъ и постепенномъ развитіи вмѣстѣ содѣйствовали образованію крѣпкаго организма, обнимающаго весь студенческій міръ. Такимъ образомъ вполне естественно, что сперва явились партикуляристическія стремленія и только потомъ совершилось общее соединеніе. Интересно прослѣдить исторію этого развитія.

Какъ и въ государственной жизни идея общаго единства не противорѣчитъ существованію разныхъ, одной центральной власти подчиненныхъ народностей, такъ и въ историческомъ развитіи студенческой общественной жизни разнообразность землячествъ и корпорацій не мѣшала возникновенію общаго союза всѣхъ академическихъ гражданъ.

Въ первыя шесть лѣтъ существованія Университета, заново основаннаго Императоромъ Александромъ въ 1802 году, единство между студентами пока не нарушалось. Съ содѣйствія университетскаго начальства образуется

союзъ всѣхъ студентовъ въ родѣ буршен-шафства, во главѣ котораго стоитъ старшина или сеніоръ, слѣдящій за порядкомъ, нравственностью и честнымъ поведеніемъ всѣхъ студентовъ. Но уже въ 1808 году уроженцы Курляндской губерніи отдѣляются отъ другихъ студентовъ и основываютъ землячество подъ именемъ Куроніи. Съ своей стороны уроженцы Финляндіи, Лифляндской, Эстляндской губерній и пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній Имперіи образуютъ корпорацію подъ именемъ Ливонія, которая въ 1810 году распадается на три части вслѣдствіе того, что финляндцы и эстляндцы основываютъ отдѣльныя землячества. Такимъ образомъ возникло четыре землячества, которыя выбирали по четыре представителя, стоявшихъ, числомъ 16, во главѣ студенчества вмѣсто прежняго сеніора. «Кромѣ нѣсколькихъ споровъ между отдѣльными студентами,—пишетъ одинъ лифляндецъ, бывшій въ это время въ числѣ учащихся въ Дерптѣ,—между студентами господствовали порядокъ и согласіе». Землячества считали своею обязанностью и задачею поддерживать между собой духъ честности и порядка, и универ-

ситетское начальство благосклонно поощряло эти стремленія. Между тѣмъ, землячества, кажется, слишкомъ мало давали возможности своимъ членамъ предаваться научнымъ занятіямъ и трудно было найти въ средѣ ихъ тотъ духъ науки, который долженъ господствовать между учащимися высшаго учебнаго заведенія. Благодаря извѣстному академику, Карлу-Эрнсту фонъ-Беру, который не нашелъ въ Эстоніи достаточно возбужденія и живого научнаго интереса, землячества сами упразднились въ 1815 году и студенты образовали общества по факультетамъ; существовало медицинское общество, юридическое и т. д. Но скоро оказалось, что такого рода группировка студентовъ была невозможна, потому что общность факультета не могла производить между товарищами той тѣсной связи и того дружескаго сближенія, которое было слѣдствіемъ примѣненія земляческаго принципа. Въ 1820 воскресла Куронія, въ 1821—Эстонія, въ 1822 — Ливонія и въ 1823 образовалась Фратернитасъ-Ригензисъ изъ юношей, пріѣзжихъ изъ Риги. Чтобы возстановить единство и правильныя сношенія между корпораціями, была учреждена осо-

бенная комиссія, состоящая изъ делегатовъ всѣхъ корпорацій. Она выработала общій студенческій уставъ, такъ называемый Комманъ, опредѣляющій всѣ отношенія между отдѣльными студентами и между корпораціями, установила основныя правила приличія и чести и вообще положила начало нынѣ еще существующему устройству общественной жизни студентовъ.

Революціонныя явленія, волновавшія западную Европу въ 1830-ые годы, произвели въ Россіи реакціонное движеніе, которое чувствовалось и въ Дерптѣ, хотя мѣстное населеніе не давало ни малѣйшаго повода къ опасенію какихъ-либо безпорядковъ. «Никогда, сколько мнѣ извѣстно, — пишетъ въ 1862 году старый лифляндецъ, бывшій студентомъ съ 1812 по 1815 годъ и потомъ находившійся въ тѣсной связи съ Дерптомъ, — дерптскій студентъ изъ остзейскихъ губерній не принималъ участія въ политическихъ тайныхъ обществахъ или заговорахъ». Причина этого явленія лежитъ въ томъ, что нѣмецкіе жители остзейскаго края всегда отличались своимъ историческимъ чувствомъ, благодаря которому они умѣли цѣнить исторически уста-

новившійся государственный строй. Но, не смотря на то, самыя строгія мѣры были приняты для подавленія вовсе не существовавшаго революціоннаго духа въ Дерптѣ. Казалось, что легче всего достигнуть этой цѣли введеніемъ въ Университетѣ духа солдатской дисциплины и строгихъ предписаній, касающихся общественной жизни студентовъ. Корпорации были уничтожены, для всѣхъ студентовъ обязательнымъ стало ношеніе мундира, имъ запрещено было показываться вмѣстѣ на улицѣ числомъ болѣе трехъ и собираться въ одной квартирѣ болѣе шести и т. д. Однако, корпоративныя стремленія еще болѣе укоренились между студентами и такъ какъ имъ запрещено было обнаруживаться, то они старались вырабатывать еще болѣе внутренній корпоративный строй. Вообще корпорации въ это время пріобрѣли столько внутренней стойкости и глубины, сколько имъ отнято было внѣшняго блеска. Преслѣдованіе и притѣсненіе всѣхъ корпораций произвели между ними общность интересовъ, которая выразилась въ учрежденіи органа, состоящаго изъ 12 репрезентантовъ, (по три изъ cadaго землечества) и завѣдующаго всѣми обществен-

ными дѣлами студентовъ на основаніи закона, обязательнаго какъ для корпоратовъ, такъ для «дикихъ»! Студенчество образовало теперь единый организмъ, состоящій изъ разныхъ отдѣльныхъ членовъ и такимъ образомъ найдено было, наконецъ, рѣшеніе проблемы: какъ согласить естественную потребность образованія отдѣльныхъ земляческихъ кружковъ и идею общей солидарности всѣхъ студентовъ. Но для полнаго развитія чувства общаго академическаго единства студентовъ еще необходимо было признаніе и примѣненіе двухъ принциповъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ Дерптѣ.

Постоянно увеличивавшееся число поединковъ по самымъ незначительнымъ причинамъ, частыя несчастія, проистекавшія изъ этого, и опасеніе, что нравственная сторона поединка могла пострадать отъ злоупотребленія имъ, порождали въ самомъ студенществѣ желаніе ограничить въ извѣстномъ смыслѣ дуэль. Ректору *Ульману*, профессору богословія, принадлежавшему къ Лифляндской корпорации и имѣвшему большое вліяніе на всѣ корпорации, удалось, наконецъ, учредить *судъ чести*. Новою статьею въ общемъ «Ком-

манѣ» постановлено было, чтобы каждый студентъ, поссорившись съ товарищемъ, обращался за рѣшеніемъ этой ссоры къ суду чести и повиновался безусловно его приговору, имѣющему безапелляціонную силу. Но это нововведеніе было только предвѣстникомъ другого, еще большаго переворота въ воззрѣніяхъ на дуэль. До сихъ поръ немыслимо было для студента отказаться отъ дуэли на основаніи личнаго убѣжденія въ безнравственности ея. Когда въ тридцатые годы одинъ пользовавшійся общимъ уваженіемъ студентъ—медикъ заявилъ, что онъ по совѣсти никогда не будетъ драться на дуэли, друзья его считали просто сумасшедшимъ. Въ 1848 году студентъ курляндецъ *Гессельбергъ*, выдающійся дарованіемъ и характеромъ, заступился съ большою энергіею за признаніе «*свободы совѣсти*» и, благодаря его сильному вліянію между студентами, признаны были вполнѣ равноправными дуэлисты и антидуэлисты. Антидуэлистъ, въ случаѣ ссоры съ товарищемъ, обязанъ былъ объявить передъ судомъ чести, что дуэль противорѣчитъ его нравственному убѣжденію и получалъ тогда отъ обидѣвшаго его предписанную судомъ

чести устную сатисфакцію, въ родѣ извиненія и т. п. Общественное положеніе антидуэлистовъ среди ихъ корпоративныхъ товарищей въ первое время, конечно, было затруднительно, но мало-по-малу новыя понятія о «свободѣ совѣсти» укоренились, лучшимъ доказательствомъ чему служить фактъ, что антидуэлисты наравнѣ съ дуэлистами выбраны были въ делегаты и репрезентанты корпорации.

Въ 1854 году умеръ попечитель *Крафтштремъ*. Его преемникъ *Брадке* возвратилъ корпорациямъ право на открытое существованіе, но обязалъ ихъ поддерживать порядокъ между всѣми студентами. Послѣ *Брадке* былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа графъ *Александръ Кейзерлингъ*. Онъ позволилъ студентамъ ношеніе цвѣтныхъ шапочекъ и возстановилъ прежнюю академическую свободу. Съ тѣхъ поръ развитіе и теченіе студенческой жизни шло мирно, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ.

Послѣ этого историческаго отступленія возвращаемся опять къ настоящему. Кромѣ казенныхъ университетскихъ правилъ, для

студентовъ существуетъ еще ими самими изданный законъ «Коммантъ», которому каждый изъ нихъ даетъ слово строго подчиняться. Если какой-нибудь студентъ отказывается дать обѣтъ, признавать обязательность этого закона или если онъ открыто дѣйствуетъ противъ него, его объявляютъ опальнымъ. Никто изъ студентовъ не смѣетъ сходиться съ нимъ и онъ остается въ этой опалѣ до тѣхъ поръ, пока не подчинится требованіямъ студенческаго закона. Теперь въ Дерптѣ существуетъ шесть корпорацій, которыя, главнымъ образомъ, основываются на принципѣ землячества. Молодые люди изъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерній, а также изъ Риги, поступаютъ въ соотвѣтствующія корпораціи: «*Эстонія*», «*Ливонія*», «*Куронія*», «*Фратернитасъ Риензисъ*». Корпорація «*Необалтія*» опирается на всеобщее землячество молодыхъ людей остзейскаго края, «*Леттонія*» состоитъ исключительно изъ латышей.

Устройство студенческаго общества въ Дерптѣ имѣетъ характеръ аристократической республики; республики—потому, что президенты только *primi inter pares* и пользуются не большими правами, чѣмъ тѣ, которыми

они управляютъ; аристократической — такъ какъ мѣста управленія доступны только меньшей части студентовъ, корпоративнымъ, т.-е. пятистамъ человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Дерптѣ около тысячи пяти сотъ студентовъ. Очевидная несправедливость этой іерархіи происходитъ отъ различія матеріальнаго положенія. Бѣднѣйшіе студенты не имѣютъ ни достаточно средствъ, ни времени, чтобы заниматься корпоративными дѣлами и управленіемъ студенческаго общества. Некорпоративные студенты, такъ называемые «дикіе», не имѣютъ организованнаго представительства и жизнь имъ обходится дешевле, чѣмъ корпорантамъ.

Судопроизводство относительно преступленийъ противъ студенческаго закона «Коммана» и вообще противъ чести находятся въ рукахъ студенческаго суда (Burschengericht). Въ каждой изъ корпорацій выбираются три студенческихъ судьи, которые вмѣстѣ образуютъ судъ. Судопроизводство ведется устно, въ большомъ залѣ, куда разрѣшается входъ всѣмъ студентамъ. Наказаніе состоитъ или въ выговорѣ, или въ наложеніи опалы, которая заключается въ томъ, что всѣмъ сту-

дентамъ запрещается, въ теченіе извѣстнаго времени, сходиться и имѣть сношенія съ наказаннымъ. Рѣшенія студенческаго суда одобряются собраніемъ представителей корпорацій (Chargirten-Convent), которое образуется изъ трехъ делегатовъ каждой корпораціи, а именно изъ старшины (Senior) корпораціи и двухъ товарищей его (Chargirte). Собраніе представителей имѣетъ для студенческаго суда значеніе кассационнаго присутствія, утверждающаго или уничтожающаго его рѣшенія. Кромѣ того, оно есть высшая законодательная и исполнительная власть для всего, что касается автономной жизни студенческаго общества. Собраніе представителей корпорацій, какъ и собранія отдѣльныхъ корпорацій, занимаются исключительно студенческими дѣлами, т.-е. сношеніями между студентами.

Вотъ какъ М. Лаврецкій въ брошюрѣ «Городъ студентовъ» Дерптѣ 1892 изображаетъ засѣданіе представителей корпорацій. «Засѣданіе уже началось. Сидѣвшій во главѣ стола, на почетномъ мѣстѣ, предсѣдатель или «презесь» собранія — уже сказалъ соотвѣтственную случаю рѣчь. По правую и лѣвую руку его сидѣли депутаты отъ различныхъ

корпораций и землячествъ. Представители корпораций имѣли цвѣтныя шапочки и такія же цвѣтныя ленты чрезъ плечо. Въ перемежку со студентами сидѣли и профессора. Это были почетные «филистеры». Предлагаю депутатамъ отъ студенчества, — сказалъ презесъ: — выяснить нужды, требованія и желанія своихъ группъ и обществъ. Прошу говорить поочередно! Поднялись двое студентовъ и, глядя въ какой-то исписанный листъ бумаги, стали по пунктамъ излагать желанія и заявленія своихъ избирателей; тутъ были и протесты, и жалобы, и требованія измѣнить существующій «комманъ» и угрозы не признавать долѣе этого устава, и наконецъ желанія имѣть большія права и большее число представителей на обще-студенческихъ сходкахъ. Наконецъ докладъ депутатовъ конвенту окончился. Начались оживленные пренія. «Презесъ» внимательно и чутко слѣдилъ за ихъ ходомъ, слушая эти молодые, подчасъ ожесточенно звучащіе голоса, изрѣдка останавливая расходившихся ораторовъ. Наконецъ, выяснивъ дѣло, приступили къ баллотировкѣ; все смолкло, все стало напряженно-серьезно и тихо. Казалось, въ залѣ сидитъ

и говоритъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ не молодежь—горячая и бурная, а люди прошедшіе сквозь горнило житейской опытности и общественной дѣятельности. Быстро и невидимо группировались партіи симпатизировавшихъ другъ другу обществъ и корпорацій. Здѣсь, въ этомъ собраніи, формировались будущіе общественные политическіе дѣтели, здѣсь учились владѣть собою и отстаивать свои взгляды и убѣжденія. Не было ни безпорядка, ни суеты, ни опрометчивости: всѣ старались взвѣсить сначала то, что хотѣли сказать. Профессора особенно усиливались ясно и краснорѣчиво изложить свои мнѣнія, съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивая доводы своихъ противниковъ—студентовъ. И нисколько никому не казалось страннымъ и неумѣстнымъ, что вся эта молодежь такъ свободно и смѣло обсуждаетъ дѣла свои, сидя, какъ равный съ равнымъ, рядомъ со своими профессорами, возражая имъ и спокойно выслушивая ихъ возраженія. Вся предшествовавшая жизнь, всѣ долгіе годы существованія пріучили смотрѣть на это положеніе дѣлъ, какъ на нормальное, пріучили допускать къ обсужденію и выслушивать

мнѣнія младшаго члена Университета. Свободное, на волѣ выросшее студенчество не нуждалось въ опекѣ, въ напominанiяхъ и указанiяхъ, какъ вести себя. Взаимное до-вѣрiе и уваженiе, признанiе обоюдныхъ правъ связывало достаточно крѣпкими узами руководящихъ и руководимыхъ и академическая жизнь текла легко и привольно, не изсякая и не выливаясь изъ границъ».

Особенно строго смотрятъ за исполне-нiемъ правилъ, касающихся *поединковъ и разбирательствъ ссоръ*. Если двое поссорились и вызвали другъ друга на поединокъ, то они должны по истеченiи сутокъ обратиться къ третейскому суду чести. Судъ состоитъ изъ трехъ членовъ, изъ которыхъ двое избираются противниками, а третiй, предсѣдатель, двумя выбранными судьями. Непосредственно передъ началомъ судопроизводства дѣлается попытка помирить противниковъ. Если примиренiе не состоялось, предсѣдатель напоминаетъ противникамъ, что они дали честное слово исполнять рѣшенiя судей чести. Потомъ ихъ спрашиваютъ, согласно-ли съ ихъ убѣжденiемъ дать удовлетворенiе посредствомъ поединка. Дѣлается это въ виду того,

что въ Дерптѣ одинаково признають два взгляда на дуэль: одинъ за дуэль, другой противъ нея. Существуютъ дуэлисты и антидуэлисты; корпораціи, гдѣ преобладающій элементъ составляютъ противники дуэли и корпораціи съ противоположнымъ направле-ніемъ. Каждому поступающему въ Университетъ предоставляется полнѣйшая свобода выбора партій. Если одинъ изъ противниковъ или оба антидуэлисты, то суду приходится только рѣшить вопросъ, кто и въ какихъ выраженіяхъ долженъ извиниться; если же они оба дуэлисты, то третейскій судъ предлагаетъ оскорбленному на выборъ—потребовать или извиненія, или поединка. Вызвавшій на дуэль въ качествѣ истца долженъ разсказать своимъ судьямъ, какимъ образомъ произошла ссора и на какомъ основаніи онъ сдѣлалъ вызовъ. Противникъ же, въ качествѣ отвѣтчика, въ свою очередь высказываетъ свой взглядъ на дѣло. Затѣмъ вызываютъ свидѣтелей и т. д. Въ заключеніе третейскій судъ рѣшаетъ, кто передъ кѣмъ долженъ извиниться или кто долженъ дать удовлетвореніе оружіемъ. При поединкѣ непременно присутствуетъ т. н. «безпристрастный»,

который рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія между секундантами. Постановленный самими студентами законъ строго воспрещаетъ дуэль на пистолетахъ и точно опредѣляетъ всѣ условія, на которыхъ допускается студенческий поединокъ. Такъ онъ устанавливаетъ известную длину шпаги, разстояніе между противниками, продолжительность поединка и т. п. Что касается ширины шпаги, то она можетъ быть различная. Изъ семи номеровъ клинковъ выбираютъ подходящій по ширинѣ и вѣсу номеръ. Противники дерутся, пока не нанесутъ другъ другу семь ударовъ или же пока одному изъ нихъ уже нельзя будетъ продолжать вслѣдствіе такой раны, какъ напр. поврежденіе мускула и т. п. Поединокъ кончается тѣмъ, что секундантъ обидѣвшаго произноситъ: «эксъ», а секундантъ того, который вызвалъ на дуэль, отвѣчаетъ: «мой товарищъ удовлетворенъ». Любопытно смотрѣть на такую дуэль, особенно если оба противника хорошо фехтуютъ. Кружась и прыгая впередъ и назадъ, противники напрягаютъ всѣ свои мускулы и пользуются случаемъ показать свою ловкость. Смертные случаи чрезвычайно рѣдки. Каждая корпорація имѣетъ

свой хирургическій приборъ, которымъ завѣдуетъ одинъ изъ старшихъ студентовъ медиковъ.

Самый торжественный актъ въ студенческой жизни — это «*Коммерсъ*». Имъ выражается принципъ солидарности всѣхъ студентовъ, «коммитоновъ», соратниковъ на полѣ науки, и идея студенческой добродѣтели. Въ началѣ торжественнаго обряда поются три студенческія пѣсни въ родѣ «*Gaudeamus igitur*», причемъ нѣкоторые студенты отбиваютъ тактъ шпагами, украшенными цвѣтами корпораціи. Затѣмъ исполняется такъ называемый «Ландесфатеръ». Пѣсня начинается словами: «Всѣ молчите и обратите вниманіе на то, что теперь происходитъ». Выступаютъ нѣсколько студентовъ со шпагами въ рукахъ — это т. наз. Ландесфатеры. Рядомъ съ ними стоятъ съ одной стороны корпорантъ съ серебрянымъ бокаломъ, наполненнымъ бѣлымъ виномъ, съ другой — товарищъ-секундантъ со шпагою. Слѣдуя извѣстному порядку, Ландесфатеры обращаются къ каждому студенту съ такими словами: «Возьми, товарищъ, сей кубокъ, полный добраго вина и, взявъ въ лѣвую руку шпагу,

пронзи ею свою шляпу и выпей за процвѣтаніе нашей корпораціи». Тотъ, къ кому обращены эти слова, прикладываетъ два пальца правой руки къ клинку шпаги и отвѣчаетъ: «Пронзаю шляпу и клянусь всегда слѣдовать чести, всегда быть бравымъ буршемъ». Когда, наконецъ, всѣ трехцвѣтныя шапочки нанизаны на клинкахъ шпагъ, Ландесфатеры подходятъ къ тѣмъ, которые послѣдними пронзили свои шпаги и одѣваютъ ихъ имъ на головы. Ландесфатеръ и его секундантъ скрешиваютъ шпаги надъ головою студента и при этомъ поются на веселый мотивъ слѣдующія слова: «Возьми шапку назадъ, мы покрываемъ ею твою голову и держимъ надъ тобою шпаги; пока мы знакомы, мы считаемся братьями; негодяй тотъ, кто бранитъ тебя; да здравствуетъ нашъ братъ NN!» Такимъ образомъ мало-по-малу всѣ шапки возвращаются владѣльцамъ. Затѣмъ провозглашаютъ тосты за Университетъ и т. д. и поется пѣсня цвѣтовъ. Каждая корпорація имѣетъ свою пѣсню цвѣтовъ. Раздаются восклицанія: «exest! prosit! fiducit! initium fidelitatis!» и до бѣлаго дня студенты поютъ, пьютъ и веселятся. На другой день устраивается завтракъ, за кото-

рымъ студенты опохмѣляются—прогоняють «каценъяммеръ». Профессора часто присутствуютъ на коммерсахъ и вообще принимаютъ снисходительное участіе въ дѣлахъ студентовъ, поддерживая своимъ вліяніемъ и совѣтомъ разумныя стремленія корпорацій.

Окончившаго курсъ и покидающаго Университетъ друзья торжественно провожаютъ за городъ. Корпорация собирается въ квартирѣ совѣщаній, гдѣ произносятся прощальныя рѣчи. Затѣмъ торжественное шествіе со знаменами и шпагами направляется чрезъ главные улицы къ Университету. Процессія останавливается и окончившій провозглашаетъ тостъ за процвѣтаніе Университета, восклицая: «Vivat, crescat, floreat alma mater Dorpatensis in aeternum!» Во время шествія поются прощальныя пѣсни. «Комитатъ» — такъ называется этотъ послѣдній актъ студенческой жизни, имѣетъ веселый и въ то же время нѣсколько грустный характеръ: въ послѣдній разъ студентъ пируетъ въ веселомъ кругу своихъ товарищей. Приближается роковой часъ, когда онъ долженъ проститься со своею свободною и беззаботною жизнью и сдѣлаться серьезнымъ человѣкомъ, который, по

словамъ пѣсни: «долженъ поддерживать порядокъ въ мірѣ». Въ его душѣ навсегда сохраняются отрадные воспоминанія о счастливой студенческой жизни:

«Decken den Scheitel auch silberne Haare
«Vivant der Burschen verjubilte Jahre!»

Всмотрѣвшись попристальнѣе въ образъ жизни и стремленія дерптскихъ студентовъ, нельзя не замѣтить въ нихъ тѣхъ признаковъ юношеской природы, по которымъ она непосредственно и естественно примыкаетъ къ дѣтскому возрасту и является только новою, высшею степенью послѣдовательнаго развитія человѣческаго духа. Въ самомъ дѣлѣ: какъ ребенокъ обыкновенно любитъ въ играхъ представлять семейный бытъ и ближайшій, окружающій его міръ, причемъ эта игра для него дѣлается важнымъ умственнымъ процессомъ, такъ юноша, какъ бы играя, представляетъ бытъ общественный, то свободно подражая дѣйствительности, то составляя новыя сочетанія изъ почерпнутыхъ изъ той же дѣйствительности представленій. Фантазія и чувство явно преобладаютъ при этомъ надъ другими способностями души и содѣйствуютъ

творчеству юноши. Творчество это сопровождается полною вѣрою въ дѣло и часто высокимъ благородствомъ стремленій; вѣра въ дѣло особенно присуща дѣтямъ, благородство стремленій — преимущественно принадлежность юноши. Юноша, который ни разу не любовался красотою имъ самимъ созданныхъ образовъ и не искалъ этой красоты, въ дѣйствительности походилъ бы на ребенка, который никогда не игралъ въ дѣтствѣ и не вкушалъ наслажденія отъ своего дѣтскаго творчества. Только жизненная опытность и вступающій въ свои права разумъ низводитъ понемногу юношу съ высоты его идеальнаго міра, указывая ему на болѣе низменные, но существеннѣйшія цѣли, на ближайшія и вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣйшія задачи для его дѣятельности. Дерптскій Университетъ предоставляетъ образованнымъ юношамъ полный просторъ счастливо пережить этотъ трудный переходный періодъ между дѣтствомъ и возмужалостью, гораздо болѣе трудный, чѣмъ самое дѣтство, такъ какъ тутъ, и именно при условіи большой даровитости, большею количествомъ знаній, происходитъ наиболѣе опасное столкновеніе съ дѣйствительною

жизнью. Расширяя въ юношескомъ умѣ кругъ понятій и представленій, образованіе предоставляетъ въ его распоряженіе обширнѣйшій матеріалъ для творческой игры и идеализмъ принимаетъ широкіе размѣры. Деревенскій юноша, беззаботно бродящій за стадомъ, не бываетъ подверженъ этимъ опасностямъ, и ему не суждено переживать этотъ важный процессъ духовнаго развитія, но и онъ не миновалъ бы его, еслибы его провели тѣмъ же длиннымъ школьнымъ путемъ, которымъ ведутъ молодыхъ людей къ Университетамъ. Въ Дерптѣ сознаютъ необходимость дать студенту возможность высказывать и обнаруживать свой внутренній міръ. Заботятся лишь о томъ, чтобы дѣлаемые имъ опыты не могли повредить ни ему самому, ни окружающему его обществу, ни государству. Все тотъ же самими студентами поставленный законъ строго воспрещаетъ имъ заниматься какими бы то ни было политическими вопросами. Имъ довольно того, что они могутъ осуществить свои любимыя политическія и соціальныя начала въ небольшомъ кругу своихъ сверстниковъ. Въ предѣлахъ корпорацій, въ изображеніи подобія государственной жизни

находятъ примѣненіе идеальныя стремленія и расходуются избытокъ юношескихъ силъ студента. «Перемелится—мука будетъ».

Стремленіе къ самостоятельности, желаніе возвыситься надъ окружающею дѣйствительностью и осуществить въ общественной жизни свои дорогіе идеалы — вотъ общія и всѣми признаваемые черты юношескаго возраста, и кто можетъ отрицать, что въ эту пору свѣжести и могучаго творчества духа зарождается много прекраснаго, исходящаго прямо изъ божественности человѣческой природы и просвѣтляющаго впослѣдствіи всю жизнь человека. Вспомнимъ жизнь многихъ великихъ людей; въ юности зарождались въ нихъ тѣ откровенія, которымъ они потомъ посвящали всю свою дѣятельность на благо человечества и родины. На этихъ-то свойствахъ и потребностяхъ юности и зиждется психологическая основа студенческихъ корпорацій и землячествъ, которыя, такимъ образомъ, являются *цѣлесообразнымъ средствомъ для удовлетворенія потребностей юношескаго возраста и самымъ вѣрнымъ отпоромъ анархическихъ и нигилистическихъ стремленій среди университетской молодежи.* Молодые люди, которые

въ корпораціи съумѣли создать себѣ общественныя формы и законы и строго подчиняться этимъ законамъ, навсегда сохранять уваженіе къ общественному порядку и будутъ въ своей послѣдующей дѣятельности надежными охранителями государственнаго строя.

Хотя устройство студенческой жизни въ Дерптѣ оставляетъ еще можетъ быть желать кое-какихъ улучшеній, но дерптскіе студенты доказали, по крайней мѣрѣ, что они, благодаря своему самоуправленію и академической свободѣ, умѣли согласить потребности юношескаго возраста съ поддержаніемъ среди себя общественнаго порядка и государственной благонадежности.

При большой своеобразности студенческой жизни въ Дерптѣ почти невозможно объяснить русской публикѣ всѣ особенности и нравы этой среды. Однако мы питаемъ надежды, что намъ удалось хотя намѣтить начала и руководящія идеи корпораціи и показать, какъ дерптскіе студенты оправдали то довѣріе, благодаря которому они пользовались свободой и самоуправленіемъ. Если въ настоящее время, быть можетъ, еще нельзя

примѣнить полную академическую свободу ко всѣмъ русскимъ Университетамъ, то, съ другой стороны, вредно и опасно уничтожать ее въ Дерптѣ, гдѣ доказано, что именно студенческое самоуправленіе и духъ свободы мѣшали явленіямъ, опаснымъ для государственнаго порядка. Отмѣнить тѣ начала, которыя оказались столь хорошими и полезными для студенческаго строя, значило бы отнять у Дерптскаго Университета ту основу, на которой зиждется его порядокъ и благонадежность. Съ точки зрѣнія государственнаго порядка такой образъ дѣйствія имѣлъ бы характеръ самоубійства. Какъ вообще для государства въ высшей степени важно прибѣгать къ помощи самого общества для поддержанія государственнаго строя, такъ и въ особенности важно для поддержанія спокойствія и хорошаго духа среди университетской молодежи, если государственная власть въ этомъ отношеніи можетъ разсчитывать на содѣйствіе самихъ студентовъ. Счастливъ тотъ Университетъ, въ которомъ студенты настолько зрѣлы и проникнуты историческимъ чувствомъ необходимости государственнаго порядка, что никогда не покушались посягать

на него, и счастливо то студенчество, гдѣ юноши сами слѣдятъ за строгимъ исполненіемъ закона и за безукоризненно честнымъ поведеніемъ. Не слѣдуетъ стало быть уничтожать порядокъ и спокойствіе тамъ, гдѣ они всегда существовали и существуютъ, и разрушать старое для нововведеній, результаты которыхъ еще очень сомнительны и даже могутъ оказаться вредными, давъ пищу нигилизму. Вспомнимъ мудрое латинское изреченіе:

«Quieta non movere!»

II.

Первое изданіе нашей брошюры вызвало со стороны г. А. Харузина возраженіе въ видѣ страстнаго обличенія не только дерптскихъ студентовъ, но и вообще всего балтійскаго края. Мы въ этомъ сочиненіи ¹⁾ видимъ не столько своеобразное воззрѣніе отдѣльнаго лица на Дерптъ, сколько типичное проявленіе націонализма, ревнителямъ котораго кажется, что они поступаютъ патріотически, представляя русской публикѣ дерптскій университетъ въ отвратительномъ свѣтѣ и обличая дерптскихъ студентовъ во всемъ, чѣмъ они отличаются отъ студентовъ нашихъ остальныхъ университетовъ. Едва ли тен-

¹⁾ Алексѣй Харузинъ. По поводу брошюры «О студенческой жизни въ Дерптѣ», Москва. 1891 г.



денціозная брошюра г. Харузина, не шадящая самыхъ разнообразныхъ къ студенческой жизни вовсе не относящихся, ненавистныхъ замѣчаній противъ нашихъ остзейскихъ нѣмцевъ, можетъ служить къ спокойному сужденію и вѣрному пониманію нашего предмета. Вслѣдствіе преобразованія остзейскаго края, балтійскій вопросъ является очень сложнымъ и можетъ быть разсматриваемъ лишь съ большою осторожностью и съ политическимъ тактомъ. Вмѣшиваніемъ же политики относительно остзейскаго края въ частный, собственно академическій вопросъ спокойное рѣшеніе его только затрудняется. Не отступая отъ нашего предмета и приводя факты, которые дадутъ читателю полную возможность самому судить о томъ, насколько справедливъ и безпристрастенъ взглядъ г. Харузина на дерптскую студенческую жизнь и насколько его обличенія основаны на точныхъ данныхъ, мы тѣмъ и дополнимъ наше изображеніе студенческой жизни.

Издавая въ свѣтъ нашу маленькую брошюру въ теченіе весьма короткаго времени, мы, конечно, не могли имѣть въ виду разубѣждать тѣхъ господъ, у которыхъ разъ

на всегда сложилось твердое, ни какими доводами неустранимое убѣжденіе, что Дерптъ, это гнѣздо всевозможныхъ варварскихъ неистовствъ, средневѣковой отсталости и т. п., гнѣздо, которое, во что бы то ни стало, слѣдуетъ очистить. Многіе изъ нашихъ журнальныхъ «политиковъ» даже сознательно предпочитаютъ клевету на дерптскихъ студентовъ правдивымъ доказательствамъ того, что въ Дерптѣ собственно нѣтъ никакого необходимаго повода къ нововведеніямъ, и, если клеветѣ удастся еще окраситься національнымъ оттѣнкомъ, то она легко приманиваетъ русскую публику.

Только тѣхъ лицъ, у которыхъ нѣтъ еще никакихъ предвзятыхъ враждебныхъ взглядовъ на дерптскій университетъ, намъ хотѣлось вкратцѣ ознакомить съ его студенческой жизнью и показать примѣръ свободного земляческаго сожитія между студентами. Мы нисколько не думали, какъ это высказано было въ литературномъ обзорѣни Вѣстника Европы (1891 Августъ, стр. 850), идеализировать дерптскія корпораціи. Корпораціи, буршеншафства, литературные кружки, земляческіе клубы и т. п. намъ кажутся оди-

наково желательными и хорошими, если они только служатъ съ одной стороны къ оживленію духовныхъ интересовъ и къ развитію самостоятельной личности, съ другой къ контролю и къ предупрежденію политическихъ волненій. Въ этомъ то отношеніи дерптскія корпораціи безспорно оказывали и оказываютъ большія услуги и заслуживаютъ по этому защиту людей, не желающихъ легкомысленно уничтожать испытанныя учрежденія. «Не только стремленіе къ улучшенію, но и наклонность къ сохраненію существующаго»,— говоритъ Буркъ:— «принадлежать къ правильному взгляду на жизнь государства». Касательно дерптской студенческой жизни, быть можетъ, правильно было бы придерживаться наклонности къ сохраненію, потому что въ студенческой жизни другихъ нашихъ университетовъ пока еще не имѣется образца для ея улучшенія.

Отзывы въ русской печати о нашей брошюрѣ показали намъ, какія мѣста въ ней нуждаются въ большей ясности. Недоразумѣнія и ложныя толкованія со стороны не знающихъ дерптской студенческой жизни изъ собственнаго личнаго наблюденія и осо-

бенно неблагосклонный, къ сожалѣнію, комментарий г. Харузина сдѣлали необходимымъ отпоръ обвиненій противъ нея. Г. Харузинъ «считаетъ себя въ правѣ отозваться въ печати о дерптской студенческой жизни, потому что онъ «въ свое время насчитывалъ въ средѣ дерптскихъ студентовъ десятками своихъ бывшихъ товарищей и что ему довелось близко сталкиваться и съ самими студентами Дерпта и съ ихъ жизнью, хотя завершить свое образованіе ему пришлось въ университетѣ Московскомъ». Благодаримъ автора за такое откровенное сообщеніе. Впрочемъ и не трудно догадаться изъ его брошюры, что онъ не знаетъ дерптскаго студенчества изъ своего собственнаго наблюденія. Сказочныя извѣстія о небывалыхъ напиткахъ, состоящихъ изъ подонковъ пива, мыла, плевковъ и т. п., сплетни дерптскихъ корреспондентовъ извѣстныхъ журналовъ и наконецъ предубѣжденія и ненавистью порожденныя фантазіи дали матеріаль, съ помощью котораго нашъ авторъ взялся за критику нашего изображенія дерптской студенческой жизни.

«Личное «я» въ ущербъ своему ближнему»,—говоритъ онъ на стр. 40 своей бро-

шюры; — «вотъ принципъ, которымъ между прочимъ руководствуются дерптскіе студенты. Въ этомъ же принципѣ лежитъ причина возникновенія корпорацій: у балтовъ (въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ) не было сознанія общаго единенія, а стремленіе къ оборонѣ своего «я» заставляло спланиваться отдѣльными наиболѣе близко стоящими группами. Въ этомъ есть много остатковъ грустной старины, не знавшей братской любви въ ея широкомъ значеніи — въ этомъ есть нѣчто аналогичное старинному родовому строю, приущему малокультурнымъ народамъ». Ограничиваясь нашимъ предметомъ, не думаемъ заступаться за такъ тяжко обвиненные «малокультурные народы». Но что касается собственно корпорацій, попытаемся доказать шаткость этихъ высокопарныхъ обличеній.

Въ Дерптѣ принципъ братскаго равенства выражается обязательнымъ, по «Комману», между всѣми студентами господствующимъ «ты», съ которымъ сынъ мужика обращается къ сыну дворянина и которое часто, къ чести обоихъ, сохраняется и въ послѣдующей ихъ жизни. Члены одной корпораціи состоящей изъ представителей всѣхъ сословій,

считаютъ себя братьями. Такое узкое сближеніе способствуетъ съ одной стороны смягченію дворянской гордости, а съ другой повышенію самосознанія низшихъ слоевъ общества. Въ корпораціяхъ находится много и недостаточныхъ людей, которымъ болѣе богатые корпоративные собратья и особенно бывшіе, оставившіе уже университетъ корпоранты, помогаютъ въ значительномъ размѣрѣ. Для этого при отдѣльныхъ корпораціяхъ находятся особенныя кассы, наполняющіяся большею частью взносами бывшихъ корпорантовъ. Существуютъ даже стипендіи въ тысячи и болѣе рублей для путешествій съ научной цѣлью. Большинствомъ голосовъ стипендія присуждается тому, который признается наиболѣе способнымъ, прилежнымъ и общающимся сдѣлать много полезнаго для общества и науки, но не имѣть собственныхъ средствъ для усовершенствованія образованія въ другихъ университетахъ. Вообще говоря, духъ дерптскихъ студентовъ и корпорацій имѣетъ скорѣе демократическое, чѣмъ аристократическое направленіе, сглаживая различія сословій и богатства, которыя въ жизни обыкновенно отдаляютъ людей другъ отъ друга.

Все это едва ли напоминаетъ «принципъ личнаго «я» въ ущербъ своему ближнему». Правда, что бѣднѣйшіе студенты не вступаютъ въ корпораціи и что іерархія корпоративныхъ студентовъ происходитъ главнымъ образомъ отъ различія матеріальнаго положенія, такъ какъ некорпоративнымъ жизнь обходится дешевле, чѣмъ корпорантамъ. Но есть и различныя другія причины, препятствующія вступленію въ корпораціи, какъ на пр. предпочтеніе тихой спокойной уединенной жизни многочисленнымъ общественнымъ обязанностямъ въ корпораціяхъ или отсутствіе подходящей корпораціи, или неимѣніе знакомыхъ между корпоративными и т. д.

Некорпоративные студенты, такъ-называемые «дикіе» (наименованіе, которое не имѣетъ, какъ г. Харузинъ предполагаетъ (на стр. 27), браннаго значенія, но которое произошло вѣроятно отъ того, что это люди, дичащіеся и мало принимающіе участіе въ студенческой общественной жизни), не пользуются организованнымъ представительствомъ. Вся студенческая жизнь сосредоточивается въ корпораціяхъ. Онѣ создали весь студенческій строй, установили обще-студенческій законъ

«Коммантъ» и слѣдятъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ его начертаній. Онѣ имѣютъ почетную, но за то тягостную роль вожаковъ всего студенчества. На нихъ опирается вся организація теперешняго студенческаго общества, сравненнаго нами съ «аристократическою республикою»! Это выраженіе, заимствованное изъ государственнаго права, вызвало цѣлый рядъ язвительно колкихъ замѣчаній. «Здѣсь проглядываетъ», — читаемъ мы на стр. 27 упомянутой брошюры, — «общее явленіе въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ во всякое время и вездѣ господствовало нелояльное самовластное меньшинство надъ общою массою... Понятія объ уваженіи личности ближняго никогда вообще не было у балтовъ, жизнь которыхъ, какъ извѣстно, всегда обусловливалась взаимной враждой, презрѣніемъ къ остальнымъ, ниже ихъ стоящимъ» и т. д. (стр. 40). Оставляя въ сторонѣ снова «общія явленія балтійскаго края», мы обратимъ только вниманіе на тактику г. Харузина противъ насъ. Приведя на стр. 27 своего сочиненія въ ковычкахъ слово аристократическое и поставивъ сейчасъ же затѣмъ слово меньшинство, онъ хотѣлъ заставить думать, что мы

сами признались въ томъ, что корпоранты составляютъ въ самомъ дѣлѣ аристократическое меньшинство. Въ корпораціяхъ, основанныхъ на широкомъ базисѣ землячества, очевидно ничего аристократическаго быть не можетъ и почтенный авторъ наше сравненіе изъ государственнаго права просто не понималъ или понять не хотѣлъ.

Критикуя студенческіе корпоративные обряды, г. Харузинъ спрашиваетъ (на стр. 36 своей брошюры): «что же тутъ хорошаго, что тутъ такого, чтобы заслуживало вниманія или изданія на эту тему спеціальной брошюры». Конечно въ корпоративныхъ обрядахъ самихъ по себѣ нѣтъ ничего особенно хорошаго, да мы вѣдь и не думали воспѣвать однѣ только похвалы для дерптскихъ студентовъ, а рисовали вообще ихъ жизнь такъ какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Но спрашиваемъ, съ своей стороны, что же въ подобныхъ обрядахъ, не приносящихъ никому вреда, есть и такъ особенно дурного или безнравственнаго? что въ нихъ столь возмутительнаго, что ншѣ почтенный авторъ изъ-за нихъ самъ причисляетъ себя къ числу «antiburschii atrue irrisores», которыхъ такъ

безцеремонно трактуеть студенческая пѣснь? Каждая страна, каждое сословіе и общество имѣють свои обычаи и свою манеру веселиться. Предоставимъ каждому право, по крайней мѣрѣ насколько это не противорѣчитъ законамъ и морали, «пріобрѣтать блаженство по своему фасону». Пусть дерптскіе студенты живутъ себѣ и веселятся по своему вкусу, лишь бы не поступали предосудительно въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ. «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, «говорить по словица», лишь бы не плакало»!

Въ интересной статьѣ, помѣщенной въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г., подъ заглавіемъ: «Университетъ и корпораціи» изображается существовавшая въ пятидесятихъ годахъ въ Петербургѣ корпорація Рутенія. О студенческой жизни въ этой корпораціи говорится между прочимъ слѣдующее: «Замѣтятъ иные, что всѣ студенческіе корпоративные обряды — игрушка, дѣтская забава и достойно сожалѣнія, что юноша тратитъ на нихъ время. Такъ или иначе, но все-таки скажемъ, что можетъ быть подобныя игрушки избавили насъ впослѣдствіи, въ жизни, отъ многихъ грѣховъ противъ

духа, каковыя грѣхи прибавились бы уже къ совершеннымъ въ жизни. Хотите узнать, каковъ юноша по своимъ душевнымъ свойствамъ, то дайте возможность развернуться этимъ свойствамъ, проявиться въ той или другой формѣ. Иначе онъ вѣчно останется для васъ неразгаданнымъ, и вы никогда не поймете его, какъ онъ не пойметъ васъ. Наша корпорація имѣла цѣлью,—продолжаетъ анонимный авторъ статьи,—соединить студентовъ, дать имъ возможность сообщаться и наблюдать, чтобы студенты не позволяли себѣ поступковъ, недостойныхъ честныхъ людей, напримѣръ оскорбленія женщины, обмановъ, словомъ всего, чего не долженъ дѣлать всякій, кто хочетъ сохранить свою честь безъ пятна и укора. Если явится подобный поступокъ, то студентъ подлежитъ суду чести, каковой судъ имѣетъ право наложить на виновнаго или временное исключеніе изъ общества студентовъ. или, въ случаяхъ болѣе важныхъ, и окончательное исключеніе изъ университета. Корпоранія имѣетъ цѣлью развить духъ товарищества между студентами, духъ братства до такой степени, чтобы это братство переходило во всю послѣдующую

жизнь, до какой бы степени ни было различно общественное положеніе бывшихъ товарищей. Наша корпорація, со своими правилами, основанными на идеяхъ добра и чести, давала выходъ душевнымъ силамъ и такимъ образомъ укрѣпляла насъ на добромъ пути, ибо помощь студенту считалась долгомъ самымъ обязательнымъ со стороны всякаго студента корпораціи. Въ этомъ отношеніи мы смотрѣли очень широко: всякій членъ корпораціи долженъ былъ помочь всякому студенту, принадлежалъ ли онъ корпораціи или нѣтъ. Укрѣпившись въ обязательствахъ относительно товарищей, мы въ послѣдствіи, въ жизни, съ большимъ умственнымъ развитіемъ, легко перешли отъ идеи о помощи страдающимъ и бѣднымъ студентамъ къ идеѣ о помощи всѣмъ людямъ. Подобный ходъ развитія чувства любви къ людямъ совершенно естествененъ и понятенъ. И онъ тѣмъ болѣе проченъ, что его на пути развитія искусственно не подталкивали». Весьма хорошо представлены здѣсь анонимнымъ авторомъ благія стороны корпораціи, но мы должны прибавить отъ себя, что кромѣ всего выше упомянутаго корпораціи развиваютъ еще лич-

ную инициативу. Часто жалуются на то, что у насъ сравнительно мало самостоятельности и устойчивости характера. Въ корпораціонномъ строѣ и лежитъ воспитательное средство для развитія этихъ качествъ.

Весьма любопытно, что г. Харузинъ, который въ порядкѣ и культурѣ Дерпта видитъ «отсутствіе гуманности и всего того, что обуславливаетъ настоящую цивилизованную страну» (стр. 6), нашелъ возможнымъ ссылаться цѣлыми страницами на книгу гг. Отто и Гассельбладтъ, въ которой на основаніи строго проверенныхъ данныхъ доказывається, что духъ настоящей науки господствовалъ среди сравнительно многихъ дерптскихъ студентовъ. Сожалѣемъ, что наша брошюра, рекомендовавшая это сочиненіе, дала поводъ г. Харузину къ ознакомленію съ ней. Пропустивъ одни, не нравящіеся ему факты, исковеркавъ другіе и прибавивъ свои собственные предвзятые мысли, нашъ почтенный критикъ ухитряется, изъ статистическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ книги гг. Отто и Гассельбладтъ, дѣлать выводы, совершенно противоположные заключеніямъ авторовъ.

Похваливъ сначала добросовѣстность ихъ

труда, чтобы принять видъ безпристрастности, онъ однако не можетъ не удивляться, что въ ихъ сочиненіи слишкомъ 36⁰/₀ такъ-называемыхъ профессоровъ и академиковъ, которыхъ намъ далъ дерптскій университетъ, не были профессорами въ настоящемъ смыслѣ слова (стр. 25). Между тѣмъ гг. Отто и Гассельбладтъ повсюду точно различали всѣ ступени ученой карьеры и въ ихъ книгѣ никакого недоразумѣнія по этому предмету быть не можетъ. Приведенные ими 2⁰/₀ дерптскихъ студентовъ, сдѣлавшихся профессорами, получается изъ числа 210 академиковъ и университетскихъ профессоровъ, а не изъ числа 314 вообще преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній. Если даже вычислять по способу г. Харузина, то и тогда тоже получится 2⁰/₀ настоящихъ профессоровъ, такъ какъ по его собственнымъ словамъ (стр. 19), если вычесть изъ 314 общаго числа преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній 116, которые не были настоящими профессорами или академиками, то послѣднихъ остается 198, т. е. приблизительно 2⁰/₀ имматрикулированныхъ. Что касается числа 210 профессоровъ и академиковъ, то г. Харузинъ пытается оспаривать

точность его. «Какъ въ эту, такъ и въ послѣдующую таблицу,—говоритъ онъ (на стр. 21),—вкралась довольно существенная ошибка, заключающаяся въ томъ, что гг. Отто и Гассельбладтъ забыли принять въ соображеніе, что 30 лицъ здѣсь упомянуты два раза, такъ какъ, по ихъ же словамъ на стр. 48, эти 30 человѣкъ сначала были профессорами въ Дерптѣ, а потомъ заграницею или же сначала профессорами, а потомъ академиками, такъ что общее число равняется лишь 198. Посмотримъ, такъ ли это? На стр. 48 своего труда выше упомянутые авторы оканчиваютъ свою фразу, цитируемую г. Харузинымъ, словами, *«etc»*, и *т. д.*, чѣмъ именно высказывается, что въ числѣ 30 не только профессора, но и доценты, упомянутые дважды и если бы почтенный критикъ обратилъ хоть нѣкоторое вниманіе на ниже слѣдующее, то онъ замѣтилъ бы, что 228 (число упомянутое въ таблицахъ на стр. 50) минусъ 210 (академиковъ и профессоровъ) будетъ 18. Значитъ въ числѣ 30 два раза упомянутыхъ не все профессора, которыхъ только 18, а остальные 12—доценты.

Большое количество профессоровъ и ака-

демиковъ, происшедшее изъ Дерпта, почтенный критикъ приписываетъ главнымъ образомъ наплыву такъ называемыхъ «профессоровъ студентовъ въ 20—40-хъ и до 60-хъ годовъ» (стр. 23). Такой наплывъ «профессоровъ студентовъ» изъ другихъ русскихъ университетовъ гг. Отто и Гассельбладтъ кладутъ только на годы 20—40-е и неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ г. Харузинъ, почерпавшій свои свѣдѣнія объ этомъ только изъ книги выше упомянутыхъ авторовъ, простираетъ этотъ наплывъ по 60-е гг. Г. Харузинъ умалчиваетъ при этомъ, что тѣ самые авторы упоминали о довольно существенномъ числѣ учителей высшихъ учебныхъ заведеній, которыхъ, кромѣ «профессоровъ студентовъ», далъ Дерптъ университетамъ внутренней Россіи: 1810—1820 гг. 7; 1840—1850 гг. 11; 1850—1860 гг. 12; 1860—1870 гг. 5; 1870—1880 гг. 7. Нѣкоторыя особыя обстоятельства, послужившія къ увеличенію числа профессоровъ, вовсе не умаляютъ весьма почетнаго научнаго положенія, которымъ Дерптъ пользовался между русскими университетами. Россія признавала научный авторитетъ Дерпта, посылая туда наиболѣе даровитыхъ студентовъ

для ихъ научнаго усовершенствованія и не безъ вѣскихъ основаній смотрѣла на Дерптъ какъ на выдающіеся университеты западной Европы. Неоспоримымъ остается фактъ, что каждый 50-й дерптскій студентъ дѣлался университетскимъ профессоромъ или академикомъ.

«Но что сказать,—говоритъ нашъ критикъ на стр. 26,—глядя на разительно быстрое уменьшеніе съ годами количества профессоровъ изъ Дерпта, когда изъ Дерптскаго университета за послѣднія 10 лѣтъ вышелъ всего только одинъ профессоръ, когда послѣдніе 4.000 дерптскихъ студентовъ дали всего только 5 профессоровъ, т. е. 0,1% всего числа. Между тѣмъ въ нашихъ русскихъ университетахъ, напротивъ того, число профессоровъ возрастаетъ изъ года въ годъ». Нашъ авторъ повидимому безъ пользы читалъ книгу гг. Отто и Гассельбладта. «Собственно сырымъ матеріаломъ», — пишутъ они на стр. 49 ихъ выше упомянутаго труда, — «изъ котораго произошли 210 академиковъ и университетскихъ профессоровъ, можно считать только первые 10.000 имматрикулированныхъ, такъ какъ послѣдующіе совсѣмъ еще не могутъ или только

въ видѣ исключенія могутъ быть профессорами, да и способность къ профессорской должности десятой тысячи дерптскихъ имма-трикулированныхъ нельзя еще считать законченною, исчерпанною». Правда, что десятая тысяча студентовъ дала пока только 6, а послѣдніа 4 тысячи только 5 профессоровъ, но эти числа сравнительно съ числомъ профессоровъ старшихъ поколѣній такъ низки потому, что послѣдніа 4 тысячи дерптскихъ студентовъ еще не имѣли достаточно времени сдѣлаться профессорами. Кромѣ того замѣчаемое въ послѣдніе годы уменьшеніе числа профессоровъ и академиковъ изъ Дерпта легко объясняется вообще уменьшеніемъ теперь спроса на профессоровъ и академиковъ въ Россіи. При томъ г. Харузинъ, обнаружившій столько интереса къ Дерпту и Балтійскимъ провинціямъ, могъ бы, кажется, знать или подозрѣвать и другія причины этого уменьшенія, причины, выплывшія именно въ послѣднее время, какъ напр. вопросъ національности и вѣроисповѣданія. Каждому извѣстно, что у насъ теперь весьма многіе считаютъ долгомъ признать принципъ національности основнымъ принципомъ для государства, вслѣдствіе чего понятіе

хорошаго и полезнаго гражданина все больше и больше стусевывается. Многимъ кажется, что для блага и процвѣтанія государства не столько важно то, чтобы подданный аккуратно платилъ подати, свято и ненарушимо хранилъ присягу вѣрности, будучи готовымъ отдать за своего Царя и отечество имущество свое и жизнь и былъ вообще честнымъ и надежнымъ человекомъ, умножающимъ своимъ прилежнымъ трудомъ благосостояніе государства, сколько то, чтобы говорить исключительно на русскомъ языкѣ. При преувеличенномъ примѣненіи принципа національности смотрятъ только на кореннаго русскаго, какъ на хорошаго подданнаго, заслуживающаго на одномъ этомъ основаніи всякаго рода поддержки и вспоможенія и съ другой стороны слишкомъ пренебрегаютъ и устраниаютъ всякаго другого подданнаго, не представляющаго подобнаго преимущества національности. Закрываются глаза на всѣ недостатки кореннаго русскаго, желающаго быть опредѣленнымъ на мѣсто и принципиально игнорируютъ всѣ хорошія стороны всякаго не природнаго русскаго, подданнаго нашего государства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является то, что оставляются

въ сторонѣ, какъ негодныя, лица, которыя несомнѣнно могли бы оказать государству великія услуги. На университетское преподаваніе и особенно на дерптскихъ воспитанниковъ, приготовляющихся къ профессорской должности эта нетерпимость всего не русскаго оказала громадное вліяніе. Строй студенческой жизни въ Дерптѣ, который, по мнѣнію нашего критика «совершенно противоположенъ солидной образованности», здѣсь ни причемъ. Куронія, Эстонія, Ливонія и Ригензисъ уже существуютъ: 1) 84 года, 2) 71, 3) 70 и 4) 69 лѣтъ и не мѣшали до сихъ поръ изобилію професоровъ прежнихъ лѣтъ, какъ равно и теперь не оказываютъ вреднаго въ этомъ отношеніи вліянія.

Столь распространенное теперь мнѣніе, будто бы каждый русскій подданный долженъ быть русскимъ въ этнографическомъ смыслѣ и что только такой имѣетъ право на существованіе въ русскомъ государствѣ, не имѣетъ никакого правоваго основанія и противорѣчитъ историческому происхожденію и развитію русскаго государства. Исторія Россіи особенно ясно доказываетъ, что постепенное образованіе государства не осно-

ывається на принципъ національності. Наші окраины населены почти кругомъ иноплеменными нерусскими народами и очевидно русскіе государственные дѣятели, покоряя столько разнородныхъ земель, никогда не придерживались того мнѣнія, что русское государство только для чистокровныхъ русскихъ. Идея государства и принципъ національности не имѣютъ ничего общаго между собою, такъ какъ государство есть правовой организмъ, происходящій изъ историческихъ и политическихъ факторовъ, а не ассоціація на этнографическомъ базисѣ. Благодаря непризнанію этой истины, принципъ національности въ наше время сдѣлался символомъ прискорбной ожесточенной вражды между національностями и Этьеннъ правъ, говоря въ своемъ трудѣ «О вліяніи господствующихъ идей 19 вѣка на государства» (т. I, стр. 153): «Слово національность, которое служитъ призывомъ на брань, никогда не сдѣлается формулою мира, пусть успокоятся умы и тогда изъ стремленій настоящаго можетъ основаться такое положеніе дѣлъ, которымъ удовлетворено будетъ человѣчество».

Несправедливость и предубѣжденія нашего критика обнаруживаются въ самомъ яркомъ свѣтѣ въ его предположеніи, что «кажется вѣроятнымъ, что профессора вырабатываются изъ тѣхъ студентовъ, которые не тратятъ время въ кнейпе за попойками, т. е. некорпоративные» (стр. 18). Изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ видно на сколько вѣрны такого рода предположенія.

Къ корпораціямъ принадлежали слѣдующіе академики и университетскіе профессора ¹⁾).

1. *Амелунъ*, Артуръ, профессоръ нѣмецкаго языка въ Фрибургѣ. № 7511. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto, Dorpat 1889 и № 729 Album Dor-

¹⁾ Въ этомъ исчисленіи пропускаемъ нарочно *почетныхъ* членовъ корпорацій, не бывшихъ корпорантами во время ихъ студенческихъ лѣтъ. За неимѣніемъ соотвѣтствующихъ источниковъ, мы не могли упомянуть профессоровъ бывшихъ членами корпорацій Arninia, Ruthenia, Baltica, Academica, Neobaltia, Lettonia. кромѣмъ они по всей вѣроятности не многочисленны, такъ какъ однѣ изъ этихъ корпорацій существовали, а другія существуютъ лишь короткое время. Равнымъ образомъ пропускаемъ и доцента д-ра Бергбома, извѣстнаго своими трудами по международному праву и философіи права, давнымъ давно избраннаго Совѣтомъ Университета въ ординарные профессора, но неизвѣстно, по какимъ причинамъ до сихъ поръ не утвержденнаго въ этой должности.

pato-Livonorum, herausgegeben von Th. Beise, Dorpat 1875.

2. *Артфельдъ*, Александръ, профессоръ хирургіи въ Москвѣ. № 1640 Alb. Ac. и № 40 Album Estorum zusammengestellt von A. von Gernet, Dorpat 1888.

3. *Беръ*, Карлъ Эрнстъ фонъ, членъ академіи наукъ. № 577 Alb. Ac. Принадлежалъ къ корпорации Estonia.

4. *Берманнъ*, Эрнстъ, профессоръ хирургіи въ Дерптѣ и Берлинѣ. № 6296 Alb. Ac. и № 445 Alb. Liv.

5. *Беттхеръ*, Артуръ, профессоръ патологіи въ Дерптѣ. № 5620 Alb. Ac. и № 702 Album Curonorum bearbeitet von A. Bernewitz. Mitau 1855.

6. *Биддеръ*, Фридрихъ Георгъ, профессоръ анатоміи и физиологіи въ Дерптѣ и почетный членъ Академіи наукъ. № 2501 Alb. Ac. и № 355 Alb. Cur.

7. *Биддеръ*, Фридрихъ Эрнстъ, профессоръ хирургіи въ Петербургѣ. № 6584 Alb. Ac. и № 802 Alb. Cur.

8. *Борниаунтъ*, Теодоръ, профессоръ хирургіи въ Кіевѣ. № 7239 Alb. Ac. и № 472 Alb. Rig.

9. *Бульмеринъ*, Августъ Михайль фонъ, профессоръ международного и государственнаго права въ Дерптѣ и Гейдельбергѣ. № 4254 Alb. Ac. и № 264 Alb. Rig.

10. *Бунге*, Густавъ, профессоръ физиологіи въ Базелѣ. № 7722 Alb. Ac. и № 575 Alb. Liv.

11. *Братке*, Петръ фонъ, профессоръ филологіи въ Гиссенѣ. № 8877 Alb. Ac. и № 678 Alb. Liv.

12. *Вагнеръ*, Иванъ, профессоръ анатоміи въ Харьковѣ. № 5723 Alb. Ac. и № 360 Alb. Rig.

13. *Валь*, Эдуардъ фонъ, профессоръ хирургіи въ Дерптѣ. № 5779 Alb. Ac. и № 403 Alb. Liv.

14. *Вейрихъ*, Карлъ, профессоръ и директоръ медицинской клиники въ Дерптѣ. № 3800 Alb. Ac. и № 238 Alb. Rig.

15. *Гарнакъ*, Эрихъ, профессоръ фармакологіи и физиологической химіи въ Галле. № 8592 Alb. Ac. и № 661 Alb. Liv.

16. *Гарнакъ*, Адольфъ, профессоръ богословія въ Берлинѣ. № 8536 Alb. Ac. и № 654 Alb. Liv.

17. *Гаусманъ*, Рихардъ, профессоръ исторіи въ Дерптѣ. № 7491 Alb. Ac. и № 607 Alb. Est.

18. *Гельмерсенъ*, Грегоръ фонъ, профессоръ геологіи въ горномъ корпусѣ въ Петербургѣ и членъ академіи наукъ № 1571 Alb. Ac. и № 11 Alb. Liv.

19. *Генъ*, Карлъ, профессоръ земледѣлія и технологии въ Дерптѣ. № 3882 Alb. Ac. и № 715 Alb. Liv.

20. *Гершельманъ*, Вильгельмъ, профессоръ филологіи въ Дерптѣ. № 8223 Alb. Ac. и № 688 Alb. Est.

21. *Гершельманъ*, Фердинандъ, профессоръ богословія въ Дерптѣ № 5627 Alb. Ac. и № 468 Alb. Est.

22. *Гессъ*, Гейнрихъ Германъ, профессоръ химіи и минералогіи въ педагогическомъ институтѣ и горномъ корпусѣ въ Петербургѣ и членъ академіи наукъ. № 1644 Alb. Ac. и № 49 Alb. Liv.

23. *Гетте*, Александръ фонъ, профессоръ зоологіи въ Страсбургѣ, № 6921 Alb. Ac. и № 450 Alb. Rig.

24. *Гетценсъ*, Карлъ, профессоръ фармакологіи въ Гиссенѣ. № 6912 Alb. Ac. и № 443 Alb. Rig.

25. *Гольстъ*, Германъ, профессоръ исторіи въ Фрибургѣ. № 7277 Alb. Ac. и № 532 Alb. Liv.

26. *Гюфманнъ*, Эрнстъ, профессоръ минералогіи въ Кіевѣ и Петербургѣ. № 1303 Alb. Ac. и № 2 Alb. Liv.

27. *Гревинкъ*, Константинъ, профессоръ минералогіи въ Дерптѣ. № 3705 Alb. Ac. и № 714 Alb. Liv.

28. *Гукъ*, Александръ фонъ, профессоръ анатоміи въ Дерптѣ. № 1594 Alb. Ac. и № 33 Alb. Est.

29. *Деніо*, Карлъ, профессоръ патологіи въ Дерптѣ. № 8710 Alb. Ac. и № 729 Alb. Est.

30. *Делленъ*, Александръ, профессоръ филологіи въ Кіевѣ и Харьковѣ. № 3072 Alb. Ac. и № 421 Alb. Cur.

31. *Зебергъ*, Альфредъ, профессоръ богословія въ Дерптѣ. № 12018 Alb. Ac. изъ корпораціи «Neobaltia».

32. *Кутеръ*, Александръ фонъ, профессоръ хирургіи въ Казани и Петербургѣ. № 2964 Alb. Ac. и № 161 Alb. Rig.

33. *Клейненбергъ*, Николай, профессоръ зоологіи и анатоміи въ Москвѣ. № 7344 Alb. Ac. и № 867. Alb. Cur.

34. *Кнауеръ*, Фридрихъ, профессоръ филологіи въ Кіевѣ. № 9096. Alb. Ac. и № 737. Alb. Liv.

35. *Кунферъ*, Карлъ, профессоръ анатоміи въ Дерптѣ, Килѣ, Кенигсбергѣ и Мюнхенѣ. № 5305. Alb. Ac. и № 674 Alb. Cur.

36. *Лагорио*, Александръ, профессоръ минералогіи въ Варшавѣ. № 8847 Alb. Ac. и № 640 Alb. Rig.

37. *Лениъ*, Эмиль, профессоръ физики въ Петербургѣ и членъ Академіи Наукъ. № 1519 Alb. Ac. и № 36 Alb. Liv.

38. *Леницъ*, Робертъ, филологъ адъюнктъ Академіи Наукъ № 1967 Alb. Ac. и № 98 Alb. Liv.

39. *Мацоннъ*, Юлій, профессоръ патологической анатоміи въ Кіевѣ. № 3572 Alb. Ac. и № 217. Alb. Rig.

40. *Мерклинъ*, Карлъ -Евген. фонъ, профессоръ ботаники въ Военно-медицинской Академіи въ Петербургѣ. № 4030 Alb. Ac. и № 254 Alb. Rig

41. *Мерклинъ*, Лудвигъ, профессоръ филологіи въ Дерптѣ № 3383 Alb. Ac. и № 200 Alb. Rig.

42. *Міасковскій*, Августъ, профессоръ статистики въ Базелѣ № 6666 Alb. Ac. и № 483 Alb. Liv.

43. *Мирамъ*, Карлъ-Эдуардъ, профессоръ хирургіи въ Кіевѣ. № 2988 Alb. Ac. и № 406 Alb. Cur.

44. *Нейкирхъ*, Иванъ, профессоръ филологіи въ Кіевѣ. № 2110. Alb. Ac. и № 288 Alb. Cur.

45. *Оствальдъ*, Вильгельмъ, профессоръ химіи въ Лейпцигѣ. № 9105 Alb. Ac. и № 664 Alb. Rig.

46. *Паукеръ*, Карлъ фонъ, профессоръ филологіи въ Дерптѣ. № 3797. Alb. Ac. и № 508 Alb. Cur.

47. *Рейснеръ*, Эрнстъ, профессоръ анатоміи въ Дерптѣ. № 4741 Alb. Ac. и № 296 Alb. Rig.

48. *Рихтеръ*, Викторъ, профессоръ физики и химіи въ Петербургѣ и Бреславлѣ. № 6907 Alb. Ac. и № 833. Alb. Cur.

49. *Розенбергъ*, Эмиль, профессоръ анатоміи въ Дерптѣ и Утрехтѣ. № 7179 Alb. Ac. и № 631. Alb. Liv.

50. *Ротъ*, Вольдемаръ фонъ, профессоръ въ Нью-Йоркѣ. № 3918. Alb. Ac. и № 277 Alb. Liv.

51. *Руссовъ*, Эдмундъ, профессоръ ботаники въ Дерптѣ. № 7248. Alb. Ac. и № 586. Alb. Est.

52. *Самсонъ - Гиммельштернъ*, Гвидо, профессоръ фармакологіи въ Дерптѣ. № 2184 Alb. Ac. и № 115. Alb. Rig.

V 53. *Сеекъ*, Оттонъ, профессоръ исторіи въ Грейфсвальдѣ. № 8296. Alb. Ac. и № 586 Alb. Rig.

54. *Тамманъ*, Густавъ, профессоръ химіи въ Дерптѣ № 10640 Alb. Ac. Изъ корпорации Neobaltia.

55. *Тобинъ*, Эвальдъ, профессоръ русскаго права въ Дерптѣ. № 3318. Alb. Ac. и № 454. Alb. Cur.

56. *Траутвенттеръ*, Рудольфъ, профессоръ ботаники въ Кіевѣ и Петербургѣ. № 2046. Alb. Ac. и № 272. Alb. Cur.

57. *Тунъ*, Альфонсъ, профессоръ политической экономіи въ Базелѣ и Фрибургѣ. № 9113 Alb. Ac. и № 702 Alb. Liv.

58. *Флоръ*, Густавъ, профессоръ зоологии въ Дерптѣ. № 5021 Alb. Ac. и № 424 Alb. Liv.

59. *Цепфель*, Рихардъ, профессоръ богословія въ Страсбургѣ, № 7545 Alb. Ac. и № 609 Alb. Est.

60. *Шварцъ*, Лудвигъ, профессоръ астрономіи въ Дерптѣ, № 4334. Alb. Ac. и № 269 Alb. Rig.

61. *Шелеръ*, Гейнрихъ, профессоръ офталмологіи въ Берлинѣ, № 1717 Alb. Ac. и № 576 Alb. Liv.

62. *Шиманнъ*, Θεодоръ, профессоръ исторіи въ Берлинѣ, № 8305 Alb. Ac. и № 985 Alb. Cur.

63. *Ширренъ*, Карлъ, профессоръ исторіи въ Дерптѣ и Килѣ, № 4611 Alb. Ac. и № 293 Alb. Rig.

64. *Шмидтъ*, Александръ, профессоръ физиологiи въ Дерптѣ, № 5467 Alb. Ac. и № 451 Alb. Est.

65. *Шмидтъ*, Фридрихъ, членъ Академіи Наукъ, № 5414 Alb. Ac. и № 442 Alb. Est.

66. *Шмидтъ*, Освальдъ, профессоръ правовѣдѣнія въ Дерптѣ. № 4296 Alb. Ac. и № 356 Alb. Est.

67. *Шнейдеръ*, Фридрихъ, профессоръ хирургiи въ Дерптѣ, № 2348 Alb. Ac. и № 343 Alb. Cur.

68. *Шредеръ*, Вольдемаръ фонъ, профессоръ фармакологiи въ Страсбургѣ № 8520 Alb. Ac. и № 650 Alb. Liv.

69. *Шренкъ*, Леопольдъ, членъ Академіи Наукъ, № 4564 Alb. Ac. и № 329 Alb. Liv.

70. *Штида*, Вильгельмъ, профессоръ статистики въ Дерптѣ и Ростокѣ, № 8608 Alb. Ac. и № 625 Alb. Rig.

71. *Штида*, Лудвигъ, профессоръ анатомiи въ Дерптѣ и Кенигсбергѣ, № 6491 Alb. Ac. и № 418 Alb. Rig.

72. *Штраухъ*, Александръ, членъ Академіи Наукъ, № 5602 Alb. Ac. и № 700 Alb. Cur.

73. *Штриммель*, Адольфъ, профессоръ терапіи въ Эрлангенѣ, № 8843 Alb. Ac. и № 679 Alb. Liv.

74. *Штруве*, Оттонъ фонъ, членъ Академіи Наукъ, № 1514 Alb. Ac. и № 259 Alb. Liv.

75. *Христiяни*, Арнольдъ, профессоръ богословiя въ Дерптѣ, № 2133 Alb. Ac. и № 134 Alb. Liv.

76. *Эрдманъ*, Эдуардъ, профессоръ философiи и богословiя въ Галлѣ, № 1770 Alb. Ac. и № 69 Alb. Liv.

77. *Эрдманъ*, Карлъ профессоръ правовѣдѣнія въ Дерптѣ, № 6831 Alb. Ac. и № 492 Alb. Liv.

78. *Энгельгардтъ*, Маврикій, баронъ, профессоръ богословія въ Дерптѣ № 4875 Alb. Ac. и № 351 Alb. Ac.

79. *Эттиненъ*, Александръ фонъ, профессоръ богословія и статистики въ Дерптѣ, № 4820 Alb. Ac. и № 343 Alb. Liv.

80. *Эттиненъ*, Артуръ фонъ, профессоръ физики и химіи въ Дерптѣ, № 6145 Alb. Ac. и № 432 Alb. Liv.

81. *Эттиненъ*, Георгій фонъ, профессоръ офтальмологіи въ Дерптѣ № 4278 Alb. Ac. и № 306 Alb. Liv.

Значитъ изъ 210 профессоровъ и академиковъ, вышедшихъ изъ дерптскаго университета, не менѣе 81 принадлежали къ корпораціямъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что такъ-называемые «профессора-студенты», которые въ 20, 30 и 40-ыхъ годахъ, получивъ свое образованіе въ русскихъ университетахъ, командировались на казенный счетъ или прибывали по собственному желанію для завершенія своихъ ученыхъ знаній въ Дерптѣ, не будучи въ собственномъ смыслѣ студентами, не могли по краткости времени, проведеннаго въ Дерптскомъ университетѣ, ни поступить въ корпораціи, ни уклоняться отъ оныхъ. По этому въ рѣшеніи вопроса, мѣ-

шають-ли корпораціи занятіямъ или нѣтъ, удобно ли для юноши, приготовляющагося къ академической карьерѣ принадлежать къ корпораціи, или нѣтъ, они, какъ воспитанники русскихъ университетовъ, не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. Ихъ студенческая жизнь уже завершилась, когда они прибыли въ Дерптъ, и изъ факта, что они изъ этого университета произошли профессорами и не состояли въ корпораціяхъ нельзя заключать, что именно внѣкорпаротивная жизнь благопріятствовала ихъ ученому развитію. Отъ 1820 до 1840 г. Дерптъ далъ 55 профессоровъ русскимъ университетамъ. Чтобы опредѣлить, сколько изъ этого числа было «профессоровъ-студентовъ» нужно вычесть изъ 55 число тѣхъ профессоровъ русскихъ университетовъ, которые въ Дерптѣ получили *все* свое университетское образованіе. Отъ 1810 до 1820 г. произошло 7 профессоровъ русскихъ университетовъ, а отъ 1840 до 1850 г. — 11. Среднее число будетъ 9. Можемъ, значить, предположить, что отъ 1820 до 1840 г. произошло 18 профессоровъ русскихъ университетовъ, которые были собственно дерптскими воспитанниками, а осталь-

ные 37 профессоровъ изъ такъ-называемыхъ «профессоровъ-студентовъ». Вычтя изъ 210 число 37, получимъ 173 профессора, число изъ которыхъ 81 человекъ бывшихъ корпорантовъ. *Значитъ не меньше 38,5% происшедшихъ изъ Дерпта профессоровъ участвовали въ корпораціяхъ, другими словами каждый 2,59, происшедшій изъ Дерпта профессоръ былъ корпорантомъ.*

Чтобъ вычислить, сколько процентовъ корпоративныхъ студентовъ дѣлались профессорами, нужно было бы знать, сколько изъ 14,000 дерптскихъ имматрикулированныхъ принадлежало къ корпораціямъ. Определить этого, къ сожалѣнію, точнымъ образомъ невозможно, такъ какъ отъ прекратившихся корпорацій не осталось никакихъ списковъ ихъ членовъ, а альбумы существующихъ не доведены до послѣдняго времени: одинъ изъ нихъ доведенъ только до 1875 г., другой до 1885 г. и два до 1888 г. Мы поэтому принуждены косвеннымъ путемъ добиться интересующихъ насъ свѣдѣній. Можно предполагать, что отношеніе между числомъ некорпоративныхъ и корпоративныхъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями оставалось всегда

почти одинаковое. Если и въ послѣднее время число корпорантовъ вообще увеличивалось и возникли новыя корпорации, за то съ другой стороны упразднились нѣкоторыя корпорации, какъ напр. *Arminia*, *Baltica*, *Ruthenia*, *Academia* и число вообще всѣхъ студентовъ увеличивалось. Въмѣстѣ съ возрастающимъ числомъ учащихся въ Дерптѣ росло соразмѣрно и число корпорантовъ. Теперь въ Дерптѣ около 1,500 студентовъ, изъ которыхъ приблизительно 500 корпорантовъ (со включеніемъ т. н. фехтбодистовъ). Слѣдовательно некорпоративныхъ вдвое болѣе корпоративныхъ. Если предположить, что это отношеніе оставалось всегда приблизительно такимъ же, то въ 14 000 имматрикулированныхъ могло быть 4.666 корпоративныхъ и 9.334 некорпоративныхъ. Такъ какъ 9 334 некорпоративныхъ дали 92 профессора и академика, а 4.666 корпоративныхъ 81, то выходитъ, что изъ некорпоративныхъ $0,98\%$, а изъ корпоративныхъ $1,73\%$, т.-е. $0,75\%$ больше, чѣмъ изъ некорпоративныхъ, дѣлались профессорами или другими словами только каждый 102 некорпоративный, тогда какъ изъ корпоративныхъ каждый 57 дѣлались профессорами. Этотъ ре-

зультатъ выступаетъ еще рельефнѣе вслѣдствіе того обстоятельства, что добрая доля молодыхъ людей, вступающихъ въ корпораціи, и не думаетъ вовсе приготовляться къ каѳедрѣ. Напр., сыновья помѣщиковъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ людей обыкновенно не намѣрены посвящать себя тягостной и трудной ученой карьерѣ, но желаютъ только пріобрѣсти въ университетѣ высшее образованіе. Фактъ, что, несмотря на это, изъ корпоративныхъ на 0,75% больше чѣмъ изъ некорпоративныхъ сдѣлались профессорами доказываетъ довольно ясно, что жизнь въ корпораціяхъ *по крайней мѣрѣ* не мѣшаетъ ученію и напряженнымъ умственнымъ занятіямъ. Пишущій эти строки на самомъ себѣ испыталъ, что участіе въ корпораціи не мѣшаетъ окончить курсъ въ 4 года со степенью кандидата и съ золотою медалью.

«Но если студенты,—говоритъ г. Харузинъ (на 16 стр. своей брошюры),—проводятъ время за попойками, то спрашивается, когда же они успѣваютъ заниматься. Вѣдь курсъ наукъ полагается въ 4 года; нельзя же его безъ ущерба для знаній сократить на одинъ годъ. Кромѣ того, самъ авторъ говоритъ, что мо-

лодые люди приходятъ въ кнейпе, чтобы знакомиться и сближаться со старшими; слѣдовательно старшіе постоянно имѣются въ кнейпе подъ рукой». Нашъ свѣдующій въ дерптской студенческой жизни авторъ ничего не знаетъ о томъ, что въ Дерптѣ нѣтъ обязательнаго четырехлѣтняго курса наукъ, но что студентамъ предоставлена академическая свобода, т. е. учиться сколько угодно лѣтъ и держать экзаменъ, когда считаютъ себя подготовленными и когда пожелаютъ. Теряя обыкновенно около года на то, чтобъ ознакомиться и сжиться съ большимъ кругомъ новыхъ корпоративныхъ товарищей, корпоранты обыкновенно дольше остаются въ университетѣ, чѣмъ некорпоративные, но если имѣть достаточно средствъ, чтобы быть студентомъ пять лѣтъ, а не четыре года, праздничная жизнь перваго года, служащая общему ознакомленію съ университетомъ, не составляетъ ущерба для знаній. При томъ потеря времени вслѣдствіе корпорационной жизни для того, который умѣетъ распредѣлять свой день и обладаетъ извѣстной энергіей, не такъ велика. Нельзя же учиться круглый день и даже при усердной работѣ студенты свободно мо-

гутъ провести часы отдыха среди товарищей. Изъ этого, кажется, нельзя заключать, что «слѣдовательно старшіе постоянно имѣются въ кнейпе подъ рукою».

Изыскивая всякія мнимыя погрѣшности Дерпта и чтобъ представить, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ подозрительной его политическую благонадежность, почтенный критикъ утверждаетъ, что въ русскихъ университетахъ главный контингентъ волнующихся приходится на инородцевъ, а именно: поляковъ, евреевъ, армянъ, нѣмцевъ. У насъ къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ, чтобъ провѣрить это странное разоблаченіе, но легко убѣдится въ томъ, что оно не совсѣмъ соглашается съ другимъ утвержденіемъ г. Харузина, что дерптскіе нѣмецкіе студенты не волнуются только потому, что «ихъ жизнь ограничена узкими рамками своихъ балтійскихъ интересовъ и чужда общегосударственныхъ стремленій». Вѣдь тутъ одно противорѣчитъ другому. Если инородцы а въ томъ числѣ и нѣмцы чужды общегосударственныхъ стремленій, отчего же они волнуются въ университетахъ внутренней Россіи и если волнуются вмѣстѣ съ русскими, нельзя

предполагать, что они были бы чужды общегосударственных стремлений. Вѣстникъ Европы (1892 г. январь, стр. 425) тоже нашелъ нашъ аргументъ въ защиту дерптскихъ студенческихъ обычаевъ, что дерптскій университетъ оставался чуждъ волненій, происходившихъ въ другихъ русскихъ университетахъ неловкимъ потому, «что этотъ фактъ указываетъ только на то, что дерптскіе студенты были чужды русскимъ общественнымъ интересамъ». Мы не высказались о томъ, чужды ли дерптскіе студенты или не чужды русскимъ общественнымъ интересамъ, потому что хвалить дерптскихъ студентовъ за ихъ спокойствіе и политическую благонадежность, кажется, можно не касаясь этого вопроса. Вѣдь эти интересы не единственные возможные причины къ волненіямъ, проистекающимъ изъ всякаго рода неудовольствія и раздраженія. Если даже согласиться, что Дерптъ «чуждъ интересамъ остальной Россіи», то этимъ еще не доказано, чтобы въ немъ не могли существовать никакія другія данныя для неудовольствія и раздраженія. Многіе напрімѣръ уколы иглою могутъ иногда произвести больше волненій, чѣмъ преслѣдованіе ка-

кихъ бы то ни было «общественныхъ интересовъ». М. Капустинъ, извѣстный бывшій попечитель дерптскаго учебнаго округа, котораго врядъ ли можно подозрѣвать въ индифферентизмъ къ русской народности и въ вяломъ преслѣдованіи національныхъ интересовъ, въ рѣчи своей: «О значеніи національности въ международномъ правѣ», произнесенной въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета высказался противъ излишнихъ насилій. Теперешнее обращеніе дерптскаго университетскаго начальства со студентами пользовавшимися до сихъ поръ полнымъ довѣріемъ, можетъ производить нѣкоторое неудовольствіе и раздраженіе и въ виду этого возможнаго несочувствія студентовъ къ показываемому имъ недоброжелательству мы вполне считаемъ себя въ правѣ, хвалить ихъ спокойствіе, умѣренность и покорность. Да, это несомнѣнно говоритъ въ пользу дерптскихъ студенческихъ корпорацій, что онѣ во всякое время не смотря на всѣ недружелюбныя мѣры противъ нихъ по прежнему готовы подчиняться безпрекословно начальству и правительству. Они и въ этомъ могутъ слу-

жить хорошимъ примѣромъ всей нашей учащейся молодежи.

Но г. Харузинъ другого мнѣнія и чтобы доказать, что Дерптъ не способствуетъ охлажденію политическаго пыла, онъ приводитъ поляковъ: которые были воспитанниками этого университета, но тѣмъ не менѣе «принимающими въ политическихъ волненіяхъ такое участіе, какъ поляки, вышедшіе изъ другихъ университетовъ» (стр. 29). Почтенный критикъ въ жару своей аргументаціи совсѣмъ опустилъ изъ виду, что рѣчь идетъ именно о студенческой жизни, значеніе которой нельзя конечно настолько преувеличивать, чтобы дѣлать ее отвѣтственной за политическія возрѣнія всей послѣдующей жизни бывшихъ дерптскихъ воспитанниковъ. Такая претензія была бы безсмыслицей. Во время ихъ пребыванія въ Дерптѣ поляки, по нашему вѣдому, никогда не участвовали ни въ какихъ политическихъ волненіяхъ, обстоятельство, которое тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу Дерпта, что университетское начальство къ нимъ относится строже, чѣмъ къ остальнымъ студентамъ, запрета имъ образовывать польскую корпорацію.

Говоря объ эпиграфѣ нашей брошюры, г. Харузинъ позволилъ себѣ безъ всякаго права предполагать, что мы какъ бы хотѣли сказать: «если тронешь дерптскихъ студентовъ, то они себя покажутъ» (стр. 9), и изъ этой нелояльной инсинуаціи онъ дѣлаетъ заключеніе: «Итакъ, развѣ правъ авторъ, говоря, что Дерптскій университетъ чуждъ политики?» (стр. 9). Неизвѣстно, отчего почтенный критикъ, обвиняя и подозрѣвая въ одно время насъ и дерптскихъ студентовъ, отождествилъ насъ съ ними. Мы не живемъ въ балтійскихъ губерніяхъ и насъ ничего не связываетъ съ Дерптомъ, кромѣ чувства благодарности за пріятно проведенные въ немъ годы ученія и юношеской радости. Почтенный критикъ, можетъ быть, слишкомъ опрометчиво выразился, что мы недостаточно близко знакомы съ русскими университетами. По сравненіи студенческихъ порядковъ въ Дерптѣ съ порядками другихъ русскихъ университетовъ намъ казалось полезнымъ обратить вниманіе на то, что образъ жизни дерптскихъ студентовъ несомнѣнно лучше жизни студентовъ остальныхъ русскихъ университетовъ, и что при желательномъ объединеніи Дерпта

съ другими университетами было бы гораздо благоразумнѣе провести съ надлежащими видоизмѣненіями строй дерптской студенческой жизни въ остальные русскіе университеты, а не на оборотъ. Судь чести и земляческіе союзы въ той или другой формѣ могли бы оживить, оплодотворить и укрѣпить общественную жизнь и развитіе нашихъ студентовъ. Въ Дерптѣ студенты русскаго происхожденія показали, что они умѣютъ цѣнить жизнь въ корпораціяхъ. Въ корпораціонныхъ спискахъ встрѣчаются много русскихъ и польскихъ фамилій: какъ напр. въ *Ливоніи* ¹⁾, Гулевскій, Хрептовичъ, Целлинскій, Соколовскій, Зиновьевъ, Звенигородскій, Бѣлогорскій, Мясковскій, Богословскій, Брезинскій, Кологривовъ, Колобовъ, Кипарскій, Шуберскій; въ *Rigensis* ²⁾: Кизерицкій, Никифоровскій, Леонтьевъ, Разевскій, Витковскій, Напіерскій, Бегровъ, Радецкій, Вороновичъ, Езерскій, Боковневъ, Жилинскій, Ремизовскій, Кихцинскій, Витшевскій, Радазевскій,

¹⁾ См. *Album Dorpat-Livonorum* herausgegeben von Th. Beise, Dorpat 1875.

²⁾ См. *Album der Landsleude der Fraternitas Rigensis* herausgegeben von A. Berkholz Riga. 1888.

СТИЦИНСКІЙ, ШЕЛУХИНЪ; въ *Эстоніи* ¹⁾: ШИМАНОВСКІЙ, ЧЕРНОВЪ, ЩЕСНЫЙ, АНТРОПОВЪ, АЛЕКСѢЕВЪ, ШАХОВСКОЙ, ТРОИЦКІЙ, РУССОВЪ; въ *Куроніи* ²⁾: ДАВЫДОВЪ, ВОЛЬСКІЙ, КУШКІЙ, КАРПЕНСКІЙ, МАКИНСКІЙ, ДОМБРОВСКІЙ, КОЗЛОВСКІЙ, БРОЦИНОВСКІЙ, ДАЛМАТОВЪ, ЦИМАНОВСКІЙ, МОРАВИЧЪ, МАЧЕВСКІЙ, НАРГОВСКІЙ, ДУБИНСКІЙ, САКРАНОВИЧЪ, ГАЛИЦКІЙ, ЖИГАРИНСКІЙ, ЯРОЧЕВСКІЙ, САДОВСКІЙ, РАЗЕВСКІЙ, ФЕДОРОВЪ, ЯКОВОВСКІЙ, ДОБРОЛЮБОВЪ. До сихъ поръ еще не воскресла русская корпорація *Рутенія*, прекратившаяся изъ-за малочисленности русскихъ. Желательно было, чтобы русскіе студенты, число которыхъ въ послѣднее время увеличилось, основали снова корпоративный русскій союзъ.

Студенческія корпораціи въ Дерптѣ исторически заслужили свое теперешнее положеніе: самоуправленіе и извѣстную свободу. Хотя Германія родоначальница дерптскихъ порядковъ, но нравы и обычаи, существующіе нынѣ въ Дерптѣ, нисколько не представляютъ

¹⁾ См. *Album Estorum* zusammengestellt von A. v. Gernet, Dorpat 1888.

²⁾ См. *Album Curonorum*, bearbeitet von A. Bernewitz. Mitau 1885.

«повторенія студенческихъ нравовъ въ Германіи» ¹⁾). Вся жизнь молодыхъ людей въ корпораціяхъ германскихъ университетовъ расходуется на болѣе или менѣе незначительныя формальности и пустяки, мѣшающіе всякимъ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Студентъ, который намѣренъ серьезно заниматься, по этому тамъ обыкновенно перестаетъ принимать активное участіе въ корпораціонной жизни. Напротивъ, дерптскія корпораціи даютъ своимъ членамъ полную возможность заниматься науками. При этомъ корпораціи въ Дерптѣ не являются въ видѣ какихъ-нибудь компаній, собирающихся съ единственною цѣлью устраивать попойки и упражняться въ фехтованіи— онѣ представляютъ собой землячества, т.-е. союзы лицъ, имѣющихъ общую родину, на пользу которой они по окончаніи курса вмѣстѣ будутъ трудиться. Дружескія отношенія земляковъ и всеобщіе интересы, сближающіе ихъ, являются вслѣдствіе этого гораздо болѣе разносторонними и важными, чѣмъ обязательныя кнейпы и дуэли корпорантовъ германскихъ университетовъ. Зем-

¹⁾ Смотри Вѣстникъ Европы 1891, августъ, стр. 850.

ляческій духъ превращалъ заимствованныя изъ Германіи корпораціи въ нѣчто иное, несравненно лучшее, чѣмъ ихъ первообразъ и въ то время, какъ въ Германіи складъ студенческихъ нравовъ (какъ можно было видѣть, когда поднять былъ этотъ вопросъ по поводу рѣчи германскаго императора въ Гейдельбергѣ) весьма справедливо начинаетъ вызывать къ себѣ скептическое отношеніе, каждый, безпристрастно вникающій въ строй жизни дерптскихъ студентовъ, оказывается вынужденнымъ признать, что послѣдніе весьма удовлетворительно исполняютъ свои обязанности и задачи. Иногда случается, что студенческая веселость въ Дерптѣ переходитъ въ разнузданность, но это бываетъ только какъ исключеніе. Къ такимъ выходкамъ молодежи странно было бы относиться слишкомъ строго. Вспомнимъ слова Полонія, указывающаго Гейнгольду, какъ нужно судить о проказахъ его сына студента:

«Представь его

«На волю юношей, съ горячей кровью

«И съ вольной головой».

Нельзя, конечно, утверждать, что дерптскіе студенческіе обычаи составляютъ послѣд-

нее слово нормальной организаціи университетскаго быта; они имѣютъ также свои слабыя стороны, какъ и пр. чрезмѣрныя попойки, будто бы неизбѣжныя чисто нѣмецкія ссоры между студентами и страсть дѣлать долги. Могли бы, кажется, молодые люди довольствоваться собраніями два раза въ недѣлю. Ежедневныя попойки приучаютъ многихъ къ чрезмѣрнымъ кутежамъ и этой-то возможностью, найти каждый день веселую кутящую компанію. объясняется долгое пребываніе въ Дерптѣ нѣкоторыхъ карпорантовъ. Пользуясь, какъ старѣйшіе студенты, чрезмѣрнымъ авторитетомъ въ кругу товарищей, эти престарѣлые кутилы, число которыхъ къ счастью въ послѣднее время значительно уменьшилось, оказываютъ несомнѣнно дурное вліяніе на младшихъ. Собственныя ихъ средства къ жизни большею частью уже давно истощились и они болѣе или менѣе прямо живутъ на средства своихъ товарищей, ихъ дурной примѣръ неблагопріятно вліяетъ на общій духъ корпораціи. Вообще жизнь въ корпораціяхъ вводитъ слабыя характеры въ долги. Въ идеѣ корпораціи, какъ братства, лежитъ извѣстнаго рода коммунистическое отноше-

ніе къ денежнымъ средствамъ и нельзя не признать, что эта черта въ студенческомъ сожитіи смягчаетъ и исправляетъ слишкомъ узкія и эгоистическія возрѣнія на деньги и достояніе, такъ различно распредѣленныя судьбою. Особенно въ юношескомъ возрастѣ такой идеальный взглядъ, сглаживающій различіе матеріальнаго положенія товарищей, весьма симпатиченъ. Но—*est modus in rebus!* Изъ опыта, что если у самого нѣтъ денегъ, то можно достать ихъ легко у товарищей, порождалась и постепенно развилась небрежность и легкомысленность въ тратѣ денежныхъ средствъ, что въ большинствѣ случаевъ оканчивается плачевнымъ результатомъ—кучею долговъ. Многіе корпоранты и знать не хотятъ о томъ, что слѣдуетъ довольствоваться тѣми средствами, которыя находятся въ ихъ распоряженіи. Въ товарищескомъ кругу они скоро не находятъ достаточно денегъ и является необходимость прибѣгать къ ростовщику. Когда корпоративный «буршъ» кончаетъ курсъ и покидаетъ университетъ, у него нерѣдко масса долговъ, стѣсняющая и обременяющая его свободное движеніе въ послѣдующей гражданской жизни. Правда, что

вездѣ молодежь легкомысленно относится къ деньгамъ, но въ Дерптѣ въ нѣкоторомъ отношеніи можно за это дѣлать отвѣтственными корпораціи, развивающія склонность жить не по средствамъ. Сильнымъ характерамъ еще удается не поддаваться этому вліянію, но слабымъ не устоять противъ него.

При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать того, что недостатки корпорацій весьма ничтожны въ сравненіи съ ихъ хорошими сторонами. Россія въ этомъ родѣ нигдѣ не имѣетъ чего-нибудь лучшаго. Въ этихъ-то корпоративно-земляческихъ порядкахъ можно было бы найти средство, могущее, при нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ, безпрестанно поддерживать академическое спокойствіе и въ другихъ нашихъ университетахъ. Сравненіе положенія дерптскихъ студентовъ съ жизнью студентовъ остальныхъ русскихъ университетовъ такъ ясно свидѣтельствуетъ въ пользу первыхъ, что нельзя не желать примѣненія повсюду тѣхъ же принциповъ, которые въ Дерптѣ оказались столь полезными и плодотворными. Отчего не поставить примѣромъ для всѣхъ русскихъ студентовъ дерптскіе студенческіе порядки, гдѣ корпораціи слу-

жать школою для воспитанія честныхъ людей, благонадежныхъ гражданъ и дѣльныхъ ученыхъ и гдѣ молодые люди безпрепятственно наслаждаются молодостью, свободно развиваютъ характеръ и личность, пользуются въ своихъ научныхъ занятіяхъ академическою свободою и при этомъ находятъ въ обществѣ расположеніе и уваженіе? Въ студенческой жизни въ Дерптѣ Россія имѣетъ выросшій въ ея собственныхъ предѣлахъ благородный плодъ культурнаго развитія. Не станемъ истреблять его, а воспользуемся имъ какъ прививкомъ, чтобы придать студенческой жизни университетовъ Россіи новую жизненную силу и способность къ дальнѣйшему развитію. Объединеніе Дерпта съ другими русскими университетами совершилось бы такимъ образомъ на основаніи той аксіомы благого разума, что организація, которая оказалась лучшею, должна вытѣснить организацію худшую.

Возразятъ намъ, пожалуй, что хорошее, хотя само по себѣ и дѣйствительно хорошо, но въ этомъ случаѣ оно худо потому, что оно не русскаго, а нѣмецкаго происхожденія. Но такое мнѣніе здѣсь неумѣстно потому, что

рѣчь идетъ не о германизациі нашихъ университетовъ, но о развитіи русской университетской жизни, которая должна только оплодотвориться новымъ культурнымъ зародышемъ. Развѣ доблести Ферзена, Барклая де-Толли, Дибича, Витгейнштейна, Остенъ-Сакена, Толя, дипломатическое искусство Остермана, Несельроде, Брунова или внутренняя государственная дѣятельность Сиверса и Корфа были для Россіи непригодны и вредны, потому что эти герои и дѣятели не были русскаго происхожденія? Какъ Броліо и Евгеній Савойскій изъ итальянцевъ превратились одинъ въ француза, другой въ нѣмца, а Делагарди изъ француза въ шведа, такъ и они изъ нѣмцевъ превратились въ русскихъ героев. Несомнѣнно наступитъ время, когда Россія сознается въ томъ, что кромѣ національно-русскаго въ ея предѣлахъ находится много и иного хорошаго матеріала, который, хотя и не русскаго происхожденія, можетъ, однако, какъ это уже оправдалось исторіей, оказать ей немаловажныя услуги, и который поэтому не предусмотрительно было бы отвергать на одномъ только томъ основаніи, что онъ не національно-русскій. Какъ не

существуетъ особый русскій законъ логики или особой русской таблицы умноженія, но есть общія, выше національности стоящія, начала мышленія и абсолютныя, никакой народности не принадлежащія исключительно, аксіомы математики, такъ и понятія о порядкѣ, спокойствіи, о государственной благонадежности, и процвѣтаніи науки не существуютъ у каждой отдѣльной народности, особые, но представляютъ универсальныя, ко благу всего человѣчества служащіе продукты цивилизаціи. Всѣ народы одинаково должны беречь и лелѣять эти начала, а не отстранять отъ себя легкомысленно какое-либо изъ нихъ, считая его себѣ чуждымъ лишь потому, что оно образовалось на почвѣ другой, а не русской національности.

Кончая свою брошюру, г. Харузинъ произноситъ такую громкую фразу (стр. 42): «Въ нашемъ отечествѣ, занимающемъ $\frac{1}{6}$ часть земнаго шара, никто не живетъ исключительно мыслью о балтійскомъ поморьѣ и тѣмъ менѣе мыслью о Дерптскомъ университетѣ; мы всѣ живемъ интересами общегосударственными... а между тѣмъ авторъ брошюры о

студенческой жизни въ Дерптѣ увѣренъ въ томъ, что, какъ говорить пословица: «только и свѣту, что въ окошкѣ». Можемъ успокоить почтеннаго критика, что какъ онъ, такъ и мы живемъ интересами общегосударственными, но при этомъ не чувствуемъ обязанности считать изъ-за узконаніональнаго предубѣжденія бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ. Вообще для каждаго, стоящаго внѣ національныхъ предразсудковъ, непонятно, отчего защита дерптскихъ студенческаго быта противорѣчитъ обще государственнымъ интересамъ. Именно этимъ-то предположеніемъ, что будто бы русскіе интересы не могутъ быть соглашаемы съ возрѣніемъ, оцѣнивающимъ хорошія и достойныя подражанія стороны Дерптскаго университета, именно принципіальнымъ убѣжденіемъ: «^Г Назарета можетъ ли что добро быти?» характеризуется и сама себя осуждаетъ вся обличительная брошюра, которую г. Харузинъ изволилъ написать *sine studio et ira*. Если мы вооружались противъ попиранія дерптскихъ корпорацій, то мы при этомъ имѣли въ виду только общую полезность защищаемаго нами устройства. Единственно вѣрнымъ способомъ для

оцѣнки всего, что существуетъ у насъ въ Россіи, состоитъ, кажется, въ томъ, чтобъ безпристрастно убѣдиться въ дѣйствительной пользѣ, какую извѣстное учрежденіе приноситъ государству. Такой объективный взглядъ нисколько не противорѣчитъ русскому патріотизму, потому что «патріотизмъ не состоитъ въ слѣпой заносчивости племеннымъ превосходствомъ, какъ это очень вѣрно указываетъ М. Капустинъ въ своей вышеупомянутой рѣчи, а въ чувствѣ принадлежности къ тому государству, подъ охраненіемъ котораго мы живемъ и судьбы котораго намъ близки и дороги». Въ полемикѣ г. Харузина къ сожалѣнію чувствуется та «національная заносчивость», которою люди извѣстнаго направленія думаютъ доказать свой патріотизмъ, пониженіемъ, клеветою и преслѣдованіемъ русскихъ гражданъ нерусскаго происхожденія. Въ дѣйствительности у насъ въ Россіи, вмѣщающей въ себѣ столько инородческихъ племенъ съ разными традиціями и съ разной кровью въ артеріяхъ, такой образъ дѣйствія, развивающій вражду между національностями, входящими въ составъ русскаго государства, нисколько не па-

тріотиченъ. Терпимость и безпристрастіе въ отношеніи къ иноплеменнымъ народностямъ, входящимъ въ составъ Россіи, имѣетъ важное значеніе для нашего государства, потому что если провозгласить у насъ этнографическое начало національности основнымъ принципомъ государства, то многочисленные наши иноподданные, поляки, финляндцы, нѣмцы и т. д. логически почувствуютъ себя принужденными придти къ заключенію, что, не принадлежа къ русской народности, они тѣмъ самымъ чужды русскому государству и подвластны Россіи наперекоръ какому-то націонализму открытому естественному праву національности, каковой выводъ очевидно не очень желателенъ.

Примѣненіе этнографическаго начала народности къ идеѣ государства во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ находится разноплеменное народонаселеніе, не только политически неудобно и неловко, но и въ отношеніи государственнаго права вообще безсмыслица. Въ увлеченіи народностью и племеннымъ единствомъ не обращали вниманія на то, что признаки общаго происхожденія, общихъ нравовъ, общаго языка чисто этнографическаго

свойства и вполне чужды правовому понятію о государствѣ. Нація, какъ этнографическое понятіе, не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о государствѣ. Съ одной стороны нѣсколько націй могутъ образовать государство, какъ напр. въ Австро-Венгріи, Швейцаріи, Россіи, и съ другой стороны иногда одна и та же нація принадлежитъ къ нѣсколькимъ государствамъ, примѣромъ чего служитъ нѣмецкая нація, составляя часть народонаселенія Германіи, Австріи, Швейцаріи. Нѣкоторыя націи вообще не образуютъ никакого государства, какъ напр. евреи, и много націй перестали существовать, не дойдя никогда до образованія государства, какъ напр. Кельты. Нація только тогда способна къ основанію государственной общины, когда она обладаетъ извѣстными политическими условіями, какъ напр. политической независимостью, достаточнымъ могуществомъ и т. п. Она есть только *естественная* общность между тѣмъ какъ государство есть *правовой* организмъ для удовлетворенія всѣхъ жизненныхъ интересовъ. Принадлежность гражданъ къ одному извѣстному государству, какъ его подданныхъ, есть чисто правового характера.

Русскій состоитъ русскимъ подданнымъ не потому, что онъ принадлежитъ къ русской націи, но потому, что онъ находится въ органической связи съ русскимъ государствомъ, въ правовомъ отношеніи управляемаго къ управляющему суверену. Не мѣшаетъ припомнить, что М. Н. Катковъ, извѣстный охранитель государственныхъ интересовъ Россіи, котораго нельзя заподозрить въ національномъ равнодушіи, писалъ на эту тему слѣдующее: «Національность есть терминъ по преимуществу политическій; какую бы изъ допускаемыхъ въ государствѣ религій чловѣкъ ни исповѣдывалъ и какого бы ни былъ онъ племеннаго происхожденія, политическая національность его опредѣляется его подданствомъ. Для того, чтобы быть русскимъ, въ гражданскомъ смыслѣ этого слова требуется только быть русскимъ подданнымъ... Люди польскаго, нѣмецкаго, жмудскаго или латышскаго происхожденія могутъ и должны по своей политической національности быть русскими, коль скоро они русскіе подданные, коль скоро они граждане русскаго государства; для этого требуется только, чтобы они были честными и вѣрными гражданами».

Вопросъ національности еще осложняется тѣмъ, что часто подъ флагомъ національных интересовъ и стремлений скрываются разнообразныя инстинкты. Такъ и неосновательное обличеніе дерптскихъ корпорацій г. Харузинымъ ¹⁾ производитъ впечатлѣніе не спокойной критики того, что по его мнѣнію дѣйствительно не хорошо, а предубѣжденнаго націонализма, слѣпаго на всѣ хорошія стороны инородной среды. Намъ кажется, что нашъ почтенный критикъ, какъ и вообще каждый благоразумный русскій, не могутъ не видѣть преимуществъ дерптской студенческой жизни передъ жизнью студентовъ остальныхъ университетовъ, и только силь-

¹⁾ Г-нъ Харузинъ упрекнулъ насъ въ томъ, что вся наша брошюра написана недостаточно хорошимъ литературнымъ русскимъ языкомъ, но, къ сожалѣнію, удовольствовался однимъ голословнымъ обвиненіемъ, не приведя ни одного примѣра въ доказательство вѣрности своихъ словъ. Не станемъ слѣдовать его примѣру, а приведемъ съ своей стороны нѣсколько образчиковъ русскаго языка нашего строгаго критика. Стр. 1 въ самомъ началѣ: Вышла изъ печати и поступила въ продажу небольшая, но очень оригинальнаго содержанія брошюра: «О студенческой жизни въ Дерптѣ», принадлежащая автору, *пожелавшаго* (sic!) остаться неизвѣстнымъ». Стр. 23, строка 3 сверху: Онъ (фактъ) объясняется въ сущности очень просто и... совсѣмъ не строимъ, *присущемъ* (sic) Дерптскому университету. Стр. 23, строка 3

ное увлеченіе націонализмом заставляетъ появляться въ печати мнѣнія и брошюры въ родѣ брошюры нашего критика. Подобные

снизу:... которые прямо готовились на *профессуру*». Говорится готовится на кого, на профессора, на доктора, но къ чему, къ какой либо должности; а поэтому нужно сказать готовиться къ профессурѣ, а не на профессуру. Стр. 33, строка 9 сверху:... г. Отто и Гассельбладтъ упоминаютъ среди уважительныхъ (по количеству) причинъ смерти *коварнаго Эмбаха*. Отъ чего здѣсь зависятъ слова «коварнаго Эмбаха»? Если отъ глагола упоминать, то это грамматическая ошибка, упоминать говорится упоминать кого, что или о комъ, о чемъ, нельзя же принять рѣку Эмбаха за какой-либо одушевленный предметъ! Если же — отъ существительнаго «смерти», то выйдетъ безсмыслица: смерти коварнаго Эмбаха; можно было бы еще сказать смерти отъ коварнаго Эмбаха. Неужели наконецъ г. Харузину неизвѣстно, что дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ требуетъ дополненія въ родительномъ надежѣ, если онъ на стр. 18 строка 9 сверху пишетъ: «не тратятъ *время*». У насъ въ гимназіи за такія ошибки ставили ученикамъ единицы. Что же касается интерпункціи, то та у нашего критика тоже крайне небрежна. Нашъ почтенный критикъ, очевидно, придерживается выраженія нашего поэта:

«Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю».

Но при такомъ воззрѣніи на *свой* русскій языкъ ему, кажется, слѣдовало бы быть осторожнѣе въ обвиненіяхъ противъ языка ближняго? „Что же видиши сучьѣ, иже есть въ очеси брата твоего, а брѣвна иже есть въ очеси твоихъ не чужи“ (Еванг. Матѣ. 7, 3).

ревнители узкаго націонализма нападаютъ на все, что не носитъ отпечатка московскихъ порядковъ по той одной причинѣ что, по выраженію Печерскаго.

«Чужимъ здоровьемъ болють».

